

ПОПАЛА
В
РАЗВОД

Юлия Эллисон

ЖЕНА

НА ПОДМЕНУ,

ИЛИ ЖЕНСКАЯ МАГИЯ ДЛЯ ДРАКОНА

Юлия Эллисон

**Жена на подмену, или
Женская магия для дракона**

«Литнет»

2025

Эллисон Ю.

Жена на подмену, или Женская магия для дракона /

Ю. Эллисон — «Литнет», 2025

Очнуться в чужом теле, в чужом мире... на пороге развода. Всё, что я хотела после трудного дня, — это дойти до дома. Вместо этого я получила удар по голове и пришла в себя в теле леди Нитты, которая вот-вот расторгнет брак с могущественным лордом драконов. Он холоден, красив и смертельно опасен. Его взгляд, полный абсолютного безразличия, говорит яснее любых слов: я для него — ничто. Казалось бы, свобода так близка... Но странное пророчество случайной старушки преследует меня даже здесь: «Ты растопишь своей добротой любую глыбу льда». Что же важнее — сбежать от дракона или попытаться понять, что скрывается за его ледяным взглядом? И как растопить сердце, которое замерзло века назад, если твое собственное давно защищено броней из обид и разочарований? Готовы ли вы к бракоразводному процессу, где ставка — ваша жизнь и сердце? История участвует в литмобе. Все книги можно посмотреть по тегу #попала_в_развод -

© Эллисон Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 1.2	8
Визуализация	10
Глава 2	11
Глава 2.1	13
Визуализация 2	15
Глава 3	16
Глава 3.1	18
Визуализация 3	20
Глава 4	21
Глава 4.1	22
Визуализация 4	24
Глава 5	25
Глава 5.1	27
Визуализация 5	29
Глава 6	30
Глава 6.1	32
Визуализация 6	34
Глава 7	35
Глава 7.1	37
Визуализация 7	39
Глава 8	40
Глава 8.1	42
Визуализация 8	44
Глава 9	45
Глава 9.1	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1

Если бы мне платили за каждую бумажку, которую мой босс швырнул мне в лицо, я бы уже давно внесла первый взнос по ипотеке. Моя заветная цель — собственная однушка, пусть даже в самом обшарпанном муравейнике на окраине. Не роскошь, а всего лишь четыре стены, которые будут моими. Тридцать три года... В этом возрасте где-то внутри уже поселился тихий, но настойчивый червь сомнения: а будет ли оно, это «свое»? Или я так и останусь вечной арендаторшей с чужой мебелью и чужими обоями, которые видели, наверное, еще девяностые. Каждый швырок Виктора Ефимовича приближал меня к заветным квадратным метрам, и это знание было моим личным обезболивающим, притупляющим уколы унижения. Жаловаться на зарплату в «Вестнике Полудня» не приходилось — она была единственной причиной, по которой я терпела эти ежедневные спектакли. Ну, и пятнадцать минут пешком от дома до работы — аргумент железный, особенно когда за окном лил осенний дождь, а в кармане звенела лишь мелочь на проезд.

— Бездарность! Бестолковость в юбке! — гремел его голос, заставляя дребезжать даже многострадальный кактус на подоконнике. Но самое забавное и одновременно самое раздражающее было в том, что на мне сейчас были брюки. Внутри всё сжималось в комок от этой абсурдности, хотелось крикнуть: «Я в брюках, Виктор Ефимович, ваш сексизм сегодня не в форме!» Но вместо этого я лишь ощущала привычную, тягучую усталость. — Это что за отчёт?! Я просил лаконично и по делу, а не этот поток женской блажи!

Листок формата А4 из рук мужчины плавно спланировал вперед, совершил в воздухе изящную петлю и приземлился практически мне под ноги. Я даже не вздрогнула. Мой внутренний щит, выкованный за год работы личным секретарём главного редактора скандальной газеты «Вестник Полудня», был непробиваем. Я просто стояла, сложив руки на животе, с абсолютно безразличным выражением лица, глядя куда-то в область его лысеющей макушки.

«Интересно, — отстранённо подумала я, — если я сейчас тихо зевну от скуки, он лопнет от злости? Или лучше сделать глаза пошире и наполнить их предательской влагой?» Мысленно я уже представила, как крупная, аккуратная слеза катится по моей щеке. «Нет, слёзы он уже проходил, в прошлый квартал. Срабатывает, но унижительно. Мама всегда говорила: «Аглая, плачь — это оружие женщины». Но мама вышла замуж, а затем быстро развелась, родила меня и всю жизнь прожила одна, работая бухгалтером и ночами вязала вещи на продажу, чтобы я могла получить образование. Ее оружие как-то дало осечку, оставив ей на память лишь коробку с моими детскими рисунками и тихую грусть в глазах. Мой метод — терпение и расчёт».

— Вы меня слышите, Иванова?! — рёв Виктора Ефимовича достиг сейсмической активности. Казалось, вот-вот с потолка посыплется штукатурка.

«Ага, — продолжала свой внутренний диалог я. — Лучший вариант — это заговорщицки понизить голос и сказать: «Виктор Ефимович, я всё понимаю, но эти цифры... их же увидит аудитор из головного офиса. Вы же сами учили, что к их приходу нужно готовиться тщательнее». Сработает. Сработает наверняка. Он панически боится этого аудитора. А я боюсь остаться без работы и снова застрять в бесконечных собеседованиях. В моем возрасте и без блага это как пытаться выиграть в лотерею».

— Да, Виктор Ефимович, — мирно ответила я вслух, наклоняясь, чтобы подобрать злополучный документ. — Я всё исправлю. Вам только подписать вчерашние договоры по типографии. А то они грозятся приостановить печать очередного тиража.

Он что-то буркнул, но рука уже потянулась к дорогой перьевой ручке. Манипуляция — это не всегда что-то грязное. Иногда это просто искусство выживания в экосистеме, где главный хищник страдает гастритом и комплексом Наполеона. Начальник что-то написал внизу бумаги,

которую только что назвал макулатурой, и отшвырнул её тоже в мою сторону. Второй бросок за утро. Олимпийский рекорд.

— Убирайтесь! И чтобы через час на моём столе был вменяемый отчёт!

Я убралась. Миссия выполнена. Счет в сбербанке, где копился мой ипотечный взнос, мысленно пополнился на еще одну крохотную крупицу. Я закрыла за собой дверь, прислонилась лбом к прохладной стене в коридоре и на секунду позволила себе просто дышать, чувствуя, как эмоции захлестывают с головой. Почему ты одарил меня такой паршивой жизнью, Боженька? Чем я согрешила в прошлой жизни, а? Усталость накатывала волнами, но я была обязана держаться.

Не знаю почему, но где-то глубоко в душе еще не погас слабый огонек надежды на лучшее.

Вечер был серым и прохладным. Город спешил по своим делам, а я брела к своему дому, чувствуя, как напряжение дня тяжёлым грузом лежит на плечах. В голове назойливо крутился список: купить хлеба, позвонить маме (она снова вчера намекала, что соседка Лида уже третий раз стала бабушкой, а она все ждет), не забыть пересчитать бюджет на месяц. Всё как всегда. Моя жизнь была похожа на старый, слегка расстроенный патефон, играющий одну и ту же пластинку с пометкой «рутина». Хотя одиночество для меня уже не трагедия, а фон. Тишина в квартире, которую не с кем разделить.

Отношений я, конечно, хотела. Кто их не хочет в моем возрасте? Глупо было бы отрицать это тихое, ноющее желание тепла, простого человеческого прикосновения, поддержки. Но, почему-то то ли я слишком много перечитала сказок про прекрасных принцев, то ли мой принц вместе с конем попал свернул не на ту тропинку, но с мужским полом мне не везло капитально. Вот так и начинаешь задумываться о своей женской привлекательности и психологии, которая раз за разом заставляет меня выбирать не тех. И в груди поселяется холодный, тяжелый камень сомнения: а может, проблема во мне?

На пешеходном переходе я заметила её. Маленькая, сгорбленная старушка в потрёпанном пальто нерешительно топталась на обочине, сжимая в трясущейся руке огромную авоську. Машины неслись сплошным, нетерпеливым потоком. Никто не собирался останавливаться.

Что ж, план «дойти до дома, приготовить ужин и почитать книгу спокойно» мог и подождать. Я подошла, мягко взяла её под локоть.

— Давайте я вам помогу, бабушка.

Она вздрогнула, потом улыбнулась беззубым ртом, и в ее глазах вспыхнул такой искренний, детский испуг и благодарность, что у меня в горле неожиданно встал ком. Мы медленно, шаг за шагом, пересекли дорогу. На той стороне она взяла мою руку в свои холодные, узловатые пальцы и посмотрела на меня такими тёмными, не по-старчески живыми глазами, что мне стало не по себе, словно меня просветили насквозь.

— Спасибо тебе, дитятко, — проскрипела она. — Доброе у тебя сердце, душа моя. Я могу быть спокойна, ты растопишь своей добротой любую глыбу льда.

Фраза повисла в воздухе, странная и торжественная, будто не спонтанная благодарность, а некое заклинание или пророчество. Я смущённо кивнула, попрощалась и пошла дальше, а слова её засели в голове мерным, навязчивым эхом, вызывая странную смесь надежды и раздражения.

«Растопишь своей добротой любую глыбу льда...»

Что за чушь? Я? Растопить лёд? Я с трудом могу растопить лед в морозилке своего старого холодильника. Моя доброта — штука прагматичная, экономная. Помогла старушке — значит, сегодня очки кармы набрала, можно вечером не мучиться угрызениями совести из-за того, что грубо ответила маме на ее вечный вопрос о личной жизни. А глыбы льда вроде Виктора Ефимовича не тают, их только скалывать приходится, и то с риском для собственных

пальцев и будущей ипотеки. Да и лед в моей собственной душе, похоже, нуждался в куда более мощном отопителе.

Фраза звучала в голове в такт моим шагам всю дорогу до дома, до самого моего унылого панельного подъезда, который давно уже провонял кошками и чьими-то неуклюжими попытками сотворить что-то съедобное. Съедобным обычно не пахло, только гарью и безнадёгой. Я зашла внутрь подъезда, звякнув ключом от домофона. Лампочка на первом этаже, как всегда, перегорела. Впереди была лишь густая, почти осязаемая темнота. Вздохнув, я полезла в сумку за телефоном, чтобы посветить.

В этот момент из мрака стремительно вырвалась тень. Я даже не успела испугаться. Только почувствовала короткий, оглушительно болезненный удар в затылок. В висках тут же взорвался фейерверк из белых искр, мир резко накренился, и наступила абсолютная, всепоглощающая темнота, унося с собой и мысли об ипотеке, и одиночестве, и старушке с ее странным пророчеством...

Глава 1.2

Сознание вернулось ко мне внезапно, но неправильно. Я не плавно вставала с пола, а уже стояла. Первым, что я ощутила, был не пол под ногами, а чудовищное давление на ребра. Я инстинктивно попыталась сделать глубокий вдох, но вместо него получился короткий, жалкий всхлип. Корсет. На мне был чужой, невероятно тугой корсет, впивавшийся в тело под тяжелым платьем из какой-то плотной, богатой ткани. Воздух пах не пылью и гарью подъезда, а густым, сладковато-пряным ароматом. Не духами, нет. Так пахнут старые церкви, дорогие свечи и ладан. От этого запаха закружилась голова или тошнило из-за моего сотрясения — я не могла понять.

С трудом заставив глаза сфокусироваться, я осмотрелась. И у меня внутри всё похолодело. Я стояла в центре огромного, круглого зала, построенного из белого, отполированного до зеркального блеска камня. Стены переливались в таинственном свете, который лился откуда-то сверху, с невидимого купола, терявшегося в вышине. Храм. Это определённо был храм.

Прямо передо мной, на невысоком пьедестале, стоял лысоватый мужчина в длинных, ниспадающих складками белых одеждах. Его лицо было невозмутимо, как маска, вырезанная из старого дерева. Храмовник. Слово само всплыло в затуманенном дурнотой сознании.

А слева... Слева стоял ОН.

Мой взгляд зацепился за него, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в зале. Высокий, почти на голову выше меня, с волосами цвета воронова крыла, на лоб выбивалось несколько прядей. Черты его лица были резкими, совершенными, будто высеченными из мрамора безжалостным, но гениальным скульптором. Он был до жути красив. Эта красота была неземной, пугающей. И так же жутко холодна. Его глаза, цвета старого, потрескавшегося льда, были полуприкрыты длинными, темными ресницами, но я всё равно разглядела их странный, вертикальный зрачок, как у хищной кошки. И в этих глазах не было ни капли интереса ко всему происходящему. В том числе и ко мне. Я была для него пустым местом, пылинкой.

И тут боль, приглушенная шоком, напомнила о себе с новой силой. Затылок пульсировал огненной, раскаленной болью, волны которой растекались к вискам. Сердце колотилось где-то в горле, бешено и беспомощно, сбивая и без того затруднённое, прерывистое дыхание. Что происходит? Галлюцинация? Сон на фоне сотрясения? Но всё было уж слишком ярко, слишком осязаемо. Я чувствовала каждую шелковую нить платья, каждую застежку корсета, холодный камень под тонкой подошвой непривычной обуви.

— Лорд Караел, — раздался спокойный, безжизненный голос храмовника, — согласны ли вы расторгнуть священный брачный союз?

«Может, это мой мозг так протестует против рутины? — лихорадочно подумала я, чувствуя, как паника поднимается по пищеводу кислым комком. — Но причем здесь этот красавец и какой-то брачный союз? Я же помогала старушке, а не заключала сделку с дьяволом!»

Мужчина, не меняя выражения лица, даже не повернув головы в мою сторону, бросил одно-единственное слово:

— Да.

Звук его голоса был низким, бархатным и обжигающе равнодушным. В этом «да» не было ни злобы, ни сожаления, ни любопытства. Абсолютный ноль. И от этого нуля мне стало до слез страшно.

Храмовник повернулся ко мне. Его взгляд был пустым, как у карпа на рынке. Ему явно было все равно на то, что здесь происходило — это просто его работа.

— Согласны ли вы, леди Нитта, расторгнуть священный брачный союз?

«Леди... кто?» — мысленно переспросила я, чувствуя, как мозг отказывается воспринимать реальность. Я медленно, будто в замедленной съемке, перевела на него взгляд, пытаясь сообразить, к кому он обращается. Даже нервно, почти истерично, оглянулась по сторонам, надеясь увидеть какую-нибудь другую женщину в этом огромном, пустом зале. Но кроме нас троих, никого не было. Леди Нитта? Это... это я? Откуда это имя? Что за брак? Что за бред? У меня даже кота нет, не то что мужа! Максимум, на что меня хватило — это три провальных свидания, после которых я давала себе зарок сосредоточиться на карьере и ипотеке.

Дурнота накатила новой, неукротимой волной. Давящий корсет, удушающий запах благовоний, пронзительная боль в затылке, переходящая в виски... Всё сплелось в один тугой, невыносимый клубок, сжимающийся у меня внутри. Мир поплыл перед глазами, белые, сияющие стены закружились в сумасшедшем, сбивающем с ног вальсе. В ушах зазвенело.

«Это сон, — отчаянно, с мольбой подумала я, цепляясь за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Кошмар. Сейчас упаду, и проснусь на холодном, грязном полу в своём подъезде. Меня найдет соседка-алкашка, вызовет скорую, и мне придется униженно объяснять маме, почему ее взрослая дочь валялась в подъезде без сознания. Обязательно проснусь. Сейчас».

— Леди Нитта?... — повторил храмовник, и в его голосе впервые прозвучала легкая, нетерпеливая нотка.

Но было уже поздно. Вместо того чтобы ответить, я почувствовала, как подкашиваются ноги, становясь ватными и неслушающимися. Пол, холодный и идеально гладкий, стремительно понёсся мне навстречу. Последнее, что я успела осознать, прежде чем тьма поглотила меня снова, — это ледяной, безразличный взгляд лорда Караела, устремлённый куда-то в пространство поверх моей падающей фигуры. Он даже бровью не повел.

Визуализация

Глава 2

Сознание вернулось ко мне не резко, а мягко, как входят в теплую воду. Первым, что я почувствовала, была мягкость. Невероятная, пушистая, обволакивающая мягкость под спиной и нежнейший шелк, скользящий по коже, будто прикосновение тысячи лепестков. Я медленно открыла глаза, и меня окутала белизна. Надо мной висел воздушный балдахин из молочно-белой ткани, собранный в изящные драпировки, напоминающие сказочные облака. Солнечный свет, льющийся откуда-то сверху, заставлял его светиться изнутри, и на секунду мне показалось, что я умерла и попала прямоком в рай. Хотя, учитывая мою непутевую жизнь, это казалось маловероятным.

Я лежала на огромной кровати, которая могла бы сойти за небольшую студию в моем прошлом мире. С трудом повернув голову, я принялась разглядывать комнату. И у меня буквально перехватило дыхание, сердце замерло на мгновение, а затем забилося в два раза чаще. Все вокруг слепило золотом. Не вульгарным блеском «новых русских», а солидным, глубоким сиянием, которое бывает только у вещей, помнящих столетия. Позолоченные ножки причудливой формы, золоченые рамы на стенах, обрамлявшие картины с какими-то фантастическими пейзажами, сложная инкрустация на шкафах из темного дерева. Даже ручки на дверях огромного гардероба, приоткрытого и демонстрировавшего ряды роскошных платьев, отливали мягким золотым блеском. В нос ударил тонкий аромат — смесь старого дерева, воска и едва уловимых цветочных нот. Это место пахло не просто богатством, а историей. Чужой, незнакомой и оттого еще более пугающей.

Попытка приподняться на локте вызвала легкую, но противную волну тошноты и заставила заныть затылок — тупая, напоминающая боль. Я тут же замерла, закрыв глаза, стараясь унять головокружение и протестующий ропот всего тела. «Тихо, — мысленно приказала я себе. — Соберись. Паника тебя сейчас добьет».

— Леди? Вы пришли в себя?

Я вздрогнула, и сердце болезненно рванулось в горло, застучав там, как перепуганная птица. Над кроватью склонилось лицо немолодого мужчины с добрыми, умными глазами и седыми бакенбардами, обрамляющими щеки. Он был одет в строгий, темный камзол, а в руках держал небольшую кожаную сумку, похожую на аптечку другого века. В его взгляде читалась не просто профессиональная обязанность, а искреннее участие, и это немного успокоило мою дрожь.

— Леди, как вы? — его голос был низким, бархатистым и полным настоящего беспокойства.

Я сглотнула комок в горле, чувствуя, как пересыхают губы. Мой собственный голос прозвучал хрипло, чужим и неуверенным:

— Хм... вроде бы жива. А вы кто? — внутри всё сжалось в комок ожидания.

— Лекарь Элвин, к вашим услугам, миледи, — он склонил голову, и седые пряди мягко упали на его лоб. — Я наблюдаю за вашим здоровьем. Вы ничего не помните?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и многозначительный. Помнить? Я помнила все с пугающей четкостью. И унижительные крики Виктора Ефимовича, и щемящую доброту в глазах старушки, и гнетущую темноту подъезда, и тот оглушительный, предательский удар... и ледяные, пронзительные глаза того, кого назвали моим мужем. Память нахлынула, заставляя сжаться желудок. Но я не была идиоткой, чтобы выкладывать это первому встречному, даже с такими добрыми глазами.

— Помню... кое-что, — уклончиво пробормотала я, чувствуя, как жжет щеки. — Голова... болит.

Элвин покачал головой, и на его лице отразилась неподдельная, почти отеческая печаль. Мне вдруг дико захотелось, чтобы этот человек оказался на моей стороне.

— Это печально, печально. Думаю, нам нужно сообщить о вашем пробуждении лорду Караелу.

С этими словами он быстро, почти по-юношески проворно, покинул спальню, оставив меня наедине с моими мыслями, страхами и этой ослепительной, чужой комнатой. Я еще раз осмотрелась, стараясь впитать каждую деталь, как будто от этого зависела моя жизнь. Комната была явно женской, но в ней не было безделушек, которые любила бы я. На туалетном столике из темного дерева стояли изящные хрустальные флакончики, лежала серебряная щетка для волос с причудливой резьбой. В углу возле окна — мягкое, высокое кресло с вышитыми шелком подушками и небольшой столик для рукоделия с недошитой салфеткой. Все дышало чужой, незнакомой жизнью, жизнью леди Нитты, в чье тело я так неудачно попала. Меня охватило странное чувство — смесь вины за вторжение и жгучего любопытства. Кто она была?

Голова все еще гудела назойливым шумом, и я не решалась встать, боясь, что мир снова уплывет из-под ног. Вместо этого я медленно, почти с опаской, подняла руки, разглядывая их при ярком свете. Длинные, изящные пальцы, ухоженные, с аккуратными ногтями идеальной овальной формы. Не мои руки. Мои были знакомыми, с маленьким шрамом на указательном пальце от пореза бумагой и вечной заусеницей. Я дотронулась до волос, ощущая их текстуру. Они были густыми, длинными, шелковистыми и... длинными, каштановыми, с медным отливом на солнце. Я никогда в жизни не была каштановой. От природы мне достался самый заурядный русский цвет, который я периодически пыталась оживить то медным, то пепельным оттенком в уютном салоне возле дома. Теперь этот салон казался частью другой вселенной.

В коридоре за дверью послышался приглушенный шум, торопливые шаги и обрывки фраз. Я напряглась, затаив дыхание, стараясь разобрать слова, но ничего не выходило. Только смутный, взволнованный гул женских голосов, в котором я уловила нотки страха и любопытства. Мое собственное любопытство тут же сменилось леденящим предчувствием.

И тут дверь в спальню резко распахнулась, без стука, без предупреждения, словно ураганный ветер ворвался в уютное гнездышко.

На пороге стоял ОН.

Глава 2.1

Тот самый лорд Караел. И если в полумраке храма он казался ледяным видением, то сейчас, залитый потоками солнечного света, он был ослепителен. И оттого еще более пугающ. Его черные, как смоль, волосы были убраны еще строже, подчеркивая безупречные, резкие линии лица. Камзол из темно-синего бархата был расшит сложнейшим золотым узором, который искрился и переливался, отражая лучи, словно чешуя. Но глаза... Его глаза цвета старого, потрескавшегося льда с вертикальными зрачками, казалось, вбирали в себя весь этот свет, чтобы превратить его в абсолютный холод. Они уставились на меня с тем же отстраненным безразличием, что и в храме, и мне показалось, что температура в комнате упала на несколько градусов.

— Леди Нитта, — он слегка склонил голову в формальном, почти насмешливом поклоне. Равнодушие сквозило в каждом его жесте, в каждой безупречной складке одежды, в самом воздухе вокруг него.

Он подошел к кровати, и я почувствовала, как по телу разливается ледяная волна страха, сковывая мышцы. Он остановился в двух шагах, и его пронзительный взгляд принялся «сканировать» меня, будто я был интересным, но абсолютно неодушевленным предметом, который почему-то доставлял неудобства. В груди зашевелился тяжелый, холодный ком, подкатив к горлу. Я попыталась что-то сказать, сделать вдох, но голос не слушался, а легкие отказывались наполняться воздухом.

Не дождавшись реакции, лорд Караел, не отводя от меня своих ледяных очей, резким, отточенным жестом отдал какое-то беззвучное распоряжение. Лекарь Элвин, робко жавшийся у двери, тут же ретировался, притворив ее за собой с тихим щелчком, который прозвучал в тишине как выстрел. Мы остались одни.

Тишина в комнате стала гулкой, давящей, наполненной биением моего собственного сердца, которое собиралось выпрыгнуть из груди. Я ощущала странную, предательскую дрожь в груди — противную смесь животного ужаса перед этим существом и невольного, чисто эстетического восхищения его совершенной, нечеловеческой красотой. Он был как гроза — смертельно опасный, но завораживающий. Я сжала пальцы в кулаки, пряча их в складках шелкового одеяла, впиваясь ногтями в ладони, стараясь держаться, чтобы не расплакаться от беспомощности и этого давящего напряжения.

— Я думал, что мы с вами все решили по поводу нашего брака, леди, — наконец произнес он. Его голос был низким и ровным, без единой эмоциональной ноты, как зачитанный сухой отчет. — Кто позволил вам изображать из себя немощную и...

Обида, острая, жгучая и совершенно неожиданная, подкатила к горлу, пересилив и страх, и осторожность. Изображать? После того ада, через который я прошла?

— Изображать? — вырвалось у меня, и я сама удивилась резкости, почти истеричной нотке в собственном тоне. Я неотрывно смотрела в его бездонные глаза, пытаюсь найти в них хоть крупицу понимания. — Корсет сдавил мне легкие, я не могла дышать! Да еще этот свечной дым! Я чуть не задохнулась!

Брови лорда Караела гневно и резко сдвинулись. И тут я заметила нечто новое в его каменном лице. Он был удивлен. Не столько моим ответом, а тем, что он вообще прозвучал. В его холодных, невыразительных глазах мелькнула тень легкого, почти незаметного недоумения, будто картина внезапно ожила и заговорила с ним на неподобающем языке.

— Что ж, — произнес он, слегка растягивая слова, в которых послышалось холодное раздражение. — Полагаю, разыгрывая эту сцену, вы знали, на что идете. Мой титул еще со мной, разорвать брак мы сможем только в следующий лунный цикл, а значит, вы обязаны пойти со мной на Императорский бал.

Императорский бал. Эти слова прозвучали так же сюрреалистично и нереально, как все, что происходило со мной последние... сколько там часов? Я мысленно, изо всех сил ущипнула себя за руку под одеялом. Резкая боль заставила вздрогнуть. Значит, не сон. Значит, этот невероятно красивый и пугающий тиран с глазами рептилии действительно собирался тащить меня, простую секретаршу Аглаю, на какой-то императорский бал. У меня закружилась голова от абсурдности.

И тут во мне снова заговорил дух противоречия, тот самый, что помогал выживать под криками Виктора Ефимовича, подпитанный обидой, остатками адреналина и отчаянием загнанного в угол зверька.

— А вы обязаны заботиться о своей жене, — выпалила я, сама поразившись собственной наглости. Голос дрожал, но слова были четкими. — Пока я еще жена. Вы же позволили мне упасть на каменный пол!

Я потянулась рукой к затылку, ожидая нащупать шишку или хотя бы ссадину, материальное доказательство моих страданий. Но кожа была идеально гладкой, без единой царапины, будто кто-то стер все следы. Хотя ноющая, тупая боль при прикосновении оставалась.

Глаза лорда Караела покрылись таким плотным, непроницаемым льдом, что, казалось, можно было услышать их тихий, смертоносный хруст.

— Если бы вы упали на пол, то я бы был счастливым вдовцом, — отрезал он, холодно и отчетливо, вкладывая в каждое слово ледяную сталь. Затем резко повернулся к окну, демонстрируя мне свой безупречный профиль, будто созерцание пейзажа было куда интереснее нашего разговора. — Надеюсь, что вы сделаете выводы из своих ошибок, леди.

И так же решительно, как и появился, не одарив меня больше ни единым взглядом, он вышел из комнаты, оставив за собой лишь легкое движение воздуха и ощущение ледяной пустоты.

Я осталась лежать, чувствуя, как дрожь, сдерживаемая все это время, наконец вырывается наружу. Я вся тряслась мелкой, неконтролируемой дрожью, а внутри бушевала буря из страха, унижения и злости. Слезы подступили к глазам, но я сжала веки, не позволяя им пролиться. Плакать при нем — последнее дело.

Через несколько мгновений, будто выждав, пока гроза минует, в комнату снова забежал лекарь Элвин, держа в руках небольшую деревянную чашу, от которой тянуло терпким, травяным ароматом, напоминающим полынь и что-то еще, знакомое.

— Вам нужно выпить лекарства, леди Нитта. Бал уже не за горами, вы должны поправить свое здоровье к этому дню.

Я с глубоким сомнением посмотрела на темное, подозрительное варево, в котором плавали какие-то корешки. Но логика, выстраданная в бесконечных битвах с Виктором Ефимовичем, подсказывала: если муж хочет вести тебя на бал к императору, то травить тебя прямо сейчас ему не с руки. Более того, в голове засела крошечная, но упрямая мысль: я не разбила голову о каменный пол в храме. Кто-то все же подхватил меня, не дав упасть. Может быть, этот ледяной айсберг не настолько равнодушен, как отчаянно старается казаться? Может, под этой коркой льда есть хоть капля чего-то человеческого?

Решив довериться этой хрупкой, почти безумной надежде, я взяла чашу из рук лекаря. Глубоко вздохнув и зажав нос, я залпом выпила противную, обжигающе-горькую жидкость. Она обожгла горло и оставила во рту странное, терпкое послевкусие. Надо же набираться сил. Похоже, впереди у меня не просто бал, а самое невероятное и опасное приключение в моей жизни. И чтобы выжить, мне предстоит научиться играть по правилам этого странного нового мира.

Визуализация 2

Глава 3

Лекарство подействовало не просто быстро — оно подействовало волшебным образом. Сначала горьковатый привкус пополз вниз по горлу, оставляя за собой странное жгучее ощущение, а затем тяжесть, давившая на веки и виски, стала таять, как утренний туман. Я чувствовала, как каждая мышца моего тела расслабляется, избавляясь от зажимов, которых я даже не осознавала. Боль, эта верная спутница последних суток, отступила, сменившись легкой, почти эйфорической легкостью. Я погрузилась в сон, как в пушистое облако, и мне снова приснилась та старушка. Но на этот раз она не улыбалась. Ее темные, пронзительные глаза смотрели на меня с бездонной серьезностью, а слова звучали не как благословение, а как приговор или страшная тайна: «Доброе у тебя сердце, душа моя. Я могу быть спокойна, ты растопишь своей добротой любую глыбу льда». Во сне я пыталась крикнуть: «Я не хочу растапливать никакой лёд! Я хочу домой!», но могла лишь беззвучно шевелить губами.

Проснувшись я от того, что тело само сообщило мне о своих насущных потребностях. За окном царилась ночь, но та самая, глубокая и безмятежная, что бывает под утро. Комната тонула в уютном полумраке, и лишь луна — крупная и серебристая, отбрасывала на пол причудливые тени. Я лежала, прислушиваясь к себе. Ничего не болело. Вообще. Это было настолько непривычно, что вызывало легкую тревогу. После многих лет сидения за компьютером и жизни в вечном стрессе легкая ломота в спине и сдавленность в висках были моей нормой. А сейчас... было пусто. Лишь в затылке оставалась призрачная тяжесть, напоминание о случившемся, да в конечностях — легкое, приятное онемение, как после хорошего сна.

Сделав глубокий, пробный вдох, я осторожно спустила ноги с кровати. Пальцы ног утонули в нежном ворсе ковра. Пол был теплым. «Система подогрева, — с долей сарказма подумала я. — В моей съемной квартире зимой из-под плинтусов дуло, а тут... рай». Головокружения не было, и это придавало мне смелости. Я пошла к двери, предположительно за которой пряталась ванная комната, но на полпути мое внимание привлекло движение в боковом зеркале. Я замерла, и сердце на секунду провалилось в пятки.

В зеркале на меня смотрела незнакомка. И она была ослепительно красива. Я медленно повернулась к своему отражению, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Карие, огромные глаза, похожие на влажный бархат, смотрели на меня с немимым вопросом и легким испугом. Длинные, густые ресницы отбрасывали тени на высокие скулы. Каштановые волосы, в которых играли медные искорки, волнами спадали на плечи. Я поднесла руку к лицу и медленно провела пальцами по щеке. Кожа была идеально гладкой, упругой, без единой поры, без знакомых мне мелких морщинок у глаз. Это прикосновение было одновременно волнующим и жутким. Где-то там, в другом мире, осталось мое лицо — милое, но обычное, с парой веснушек и ямочкой на подбородке. А здесь я была куклой, произведением искусства. Искусства, в котором я была заключена.

— Ладно, Аглая, — прошептала я своему отражению, и голос прозвучал чуть ниже, бархатистее. — Похоже, это твоя новая внешность. Придется привыкать.

Воспоминание о первоначальной цели вернуло меня к реальности. Я толкнула дверь и ахнула. Ванная комната была размером с мою прошлую гостиную и вся сверкала белым мрамором с золотистыми прожилками. Позолота была повсюду: на смесителях, в виде инкрустации на шкафчиках, на рамах зеркал. Но главным чудом была ванна. Огромная, овальная, высеченная из цельного куска какого-то камня, она поблескивала в лунном свете, словно застывшая глядь воды. Рядом на низкой мраморной скамье лежала стопка полотенец, от которых пахло лавандой и чем-то еще, незнакомым и пьянящим.

— Ну, я и впрямь словно в сказку попала, — пробормотала я, подходя к раковине, из того же камня. — Правда, в сказках принцессы обычно томятся в башнях в ожидании принца,

а тут... — я взглянула на свое новое отражение, — тут, похоже, принцессе придется самой брать свою судьбу в руки и выяснять, почему ее муж смотрит на нее как на надоевшую муху.

В голове снова, как назойливая мелодия, зазвучали слова старушки о растоплении льда. «Да отстань ты от меня!» — мысленно огрызнулась я, с силой тряхнув головой, и умылась ледяной водой. Она была невероятно мягкой и свежей и слегка прояснила мозги. Я снова посмотрела в зеркало. Чужие, но теперь уже мои карие глаза смотрели на меня с вызовом.

Глава 3.1

Вернувшись в спальню, я поняла, что сон как рукой сняло. Во мне бушевала странная смесь страха, любопытства и адреналина. Решено — проведу инвентаризацию своих новых владений.

Гардероб оказался настоящей сокровищницей. Я с наслаждением погружала руки в груды шелков, бархата, парчи. Платья были тяжелыми, богато украшенными вышивкой и мелкими самоцветами. Но каждый наряд сопровождался своим корсетом — грозным сооружением из китового уса и шелка, который я мысленно окрестила «оружием массового удушения».

На низком столике рядом с кроватью стояла хрустальная ваза с цветами неземной красоты — крупные, с перламутровыми лепестками, они словно светились изнутри. Рядом лежали фрукты, напоминающие не то сливы, не то маленькие дыни, насыщенного аметистового цвета. Я осторожно тронула один — кожица была гладкой и прохладной, а внутри, как мне показалось, что-то слабо пульсировало. Я отдернула руку.

Следующей моей жертвой пал будуар. Я с азартом кладоискателя принялась выдвигать многочисленные ящички. Внутри лежали шкатулки с украшениями, от которых перехватывало дух: массивные ожерелья, похожие на кольчугу, серьги с камнями, меняющими цвет в зависимости от угла зрения, изящные гребни из слоновой кости с тончайшей резьбой. Все это кричало о баснословном богатстве и вкусе. Я с надеждой перебирала всё, ища хоть клочок бумаги, дневник, любую зацепку о том, кем была леди Нитта. Но ничего, кроме пары книг в потертых кожаных переплетах.

Я взяла верхнюю. Страницы были исписаны витыми, незнакомыми символами. И тут меня осенило. Я читала их! Мой мозг без всяких усилий преобразовывал эти закорючки в знакомые слова и образы. «...его пальцы едва коснулись ее запястья, и по ее телу пробежала огненная дрожь...» Я фыркнула. Самый что ни на есть классический дамский роман. Но это был мой учебник. Мой путеводитель по этому безумному миру.

Освещения, кроме лунного, не было, и я, как настоящий первооткрыватель, соорудила себе гнездо: подтащила к окну мягкий круглый ковер, стащила с кровати пару огромных шелковых подушек и устроилась с книгой в руках. Чтение поглотило меня с головой. Я узнавала о «Великих Домах», о том, что драконы — не метафора, а одна из древнейших рас, и что брак между драконами — это сложный политический акт, обремененный тысячей условностей. Мое положение становилось все более и более шатким в моих же глазах.

Я и не заметила, как небо на востоке стало светлеть, окрашиваясь в нежные, пастельные тона. А затем взошло солнце. Оно было огромным, багрово-золотым, и свет его был не просто ярким, а плотным, осязаемым, он заливал комнату, заставляя сиять каждую деталь. Я отложила книгу, замороженная. Из окна открывался вид на сказочный сад с аккуратно подстриженными деревьями, похожими на синие ели, и клумбами, где росли те самые светящиеся цветы. Вдалеке виднелись крыши — острые, стрельчатые, покрытые чем-то, что переливалось, как перламутр.

И в этот миг, когда я наконец почувствовала странное, хрупкое умиротворение и мысленно смирилась с тем, что это — моя новая реальность, дверь в спальню с резким, тревожным стуком распахнулась.

На пороге, запыхавшись, стояла пока еще незнакомая мне служанка. Ее лицо было бледным, а глаза — круглыми от ужаса.

— Леди, просыпайтесь! Ваша свекровь, леди Караел, прилетела!

И со мной случилось необъяснимое. В груди, глубоко внутри, возникло чужое, холодное и липкое чувство. Гнетущее раздражение, смешанное с животным, почти детским страхом, сжало мне горло и заставило похолодеть кончики пальцев. Это была не моя эмоция. Это была память тела, инстинктивная, выстраданная реакция леди Нитты на имя ее свекрови.

Я на секунду опешила, анализируя этот нахлынувший ужас. «Свекровь? — попыталась я успокоить себя. — Ну, подумаешь. Две взрослые женщины всегда смогут найти общий язык». Я представила свою маму — добрую, одинокую женщину, чья главная проблема — как бы пристроить замуж свою дочь.

А потом до меня дошло, в каком доме я нахожусь и чьей женой я являюсь поневоле. Мое собственное, уже знакомое упрямство подняло голову, сметая чужой страх. Этот ледяной лорд Караел — мой официальный муж, а значит, этот замок или что у него тут — отчасти и мой дом. И я буду решать, когда и каких гостей принимать.

— Спасибо, я уже проснулась, — сказала я служанке, и мой голос, к моему удивлению, прозвучал ровно и холодно. — Передайте леди Караел, что я выйду к ней, как только приведу себя в порядок. Пусть подождет в гостевой.

Служанка побледнела еще больше, будто я приказала ей совершить ритуальное самоубийство, но, беспомощно поклонившись, выскользнула за дверь.

Я медленно подошла к гардеробу, чувствуя, как в груди борются чужой страх и моя собственная решимость. Ладно, леди Караел. Посмотрим, кто кого. И первым моим оружием в этой битве станет безупречный внешний вид. Я с вызовом потянулась к самому сложному и, наверное, самому неудобному платью.

Визуализация 3

Глава 4

Едва дверь за служанкой закрылась, в мою спальню ворвался... хорошо отлаженный шторм. Не успела я сделать и шага к гардеробу, как дверь распахнулась снова, и внутрь впорхнула, словно стайка пестрых птиц, целая делегация девушек в одинаковых строгих платьях с белыми фартучками. Их было пятеро, и каждая знала свое дело с пугающей, почти военной точностью. Воздух тут же наполнился шелестом тканей, легким звоном флаконов и едва уловимым ароматом лаванды и чего-то еще, пряного и незнакомого.

Мной овладело странное, двойственное чувство дежавю. Часть меня, Аглая, стояла в ступоре, смущенно наблюдая за этим балетом, в то время как другая часть, какая-то глубинная и незнакомая, с облегчением узнавала привычный ритуал. Я словно бы наблюдала за собой со стороны, пока одна из девушек быстрыми и ловкими движениями, принялась заплетать мои каштановые волосы. Другая, с целым арсеналом кисточек и баночек в руках, с профессиональным видом художника-реставратора принялась изучать мое лицо, и мне стало не по себе от этого оценивающего взгляда. Третья, самая рослая и крепкая, с сосредоточенным видом атлета уже вытаскивала из гардероба то самое выбранное мной платье цвета темной ночи с серебряной вышивкой, напоминающей звездную карту. Ткань тяжело шуршала, словно негодуя на то, что ее потревожили. Остальные же девушки рассредоточились по комнате, убирая, заправляя кровать и делая еще тысячи разных дел сразу.

Я стояла, как манекен, пока трое девиц крутились вокруг меня, и чувствовала себя странно. Было одновременно неловко и порочно приятно. Приятно — потому что за мной так никогда в жизни не ухаживали с такой самоотдачей. Неловко — потому что я чувствовала себя куклой, безмолвной и бесправной, которую вертят как хотят. Девушка-парикмахер с невероятной скоростью заплела часть волос в сложную конструкцию из кос, оставив остальные волны спадать на спину, искусно вплетая в них тонкие серебряные нити, подходящие к платью. Девушка-визажист легкими, почти невесомыми движениями подчеркнула мои (ее? наши?) глаза, сделала губы чуть ярче, и я с нарастающим изумлением смотрела в зеркало на отражение Нитты, которое с каждой минутой становилось все более незнакомым, отчужденным и оттого еще более величественным. Это была не я.

Затем настал звездный час девушки-шнуровщицы. Корсет, тот самый заклятый враг рода человеческого, был надет на мою ночную рубашку, и крепкие, натренированные пальцы взялись за шнуры с решительностью палача.

— Глубоко выдохните, леди, — прозвучал вежливый, но не терпящий возражений голос. В нем не было ни капли сочувствия, лишь привычная команда.

Я послушно, почти рефлекторно, выдохнула, и в тот же миг почувствовала, как мои ребра сдавило стальным обручем. Воздух с шумом вырвался из легких. Девушка потянула шнуры с силой, и в глазах у меня помутнело, поплыли темные пятна. Паника, острая и животная, когтями вцепилась мне в горло.

— Стойте, — выдавила я, чувствуя, как темнеет в глазах и немеют кончики пальцев. Голос мой сорвался на хрип. — Не так туго.

И тут произошло нечто. Мой собственный голос удивил меня. Он прозвучал не просяще, не испуганно, а твердо, с такими властными, металлическими нотками, о которых я и не подозревала. В нем была хватка, привычка к подчинению. Раньше, в прошлой жизни, мой голос в конфликтных ситуациях либо дрожал от неуверенности, либо становился тише, уходя в глухую оборону. А этот... этот голос привык, что его слушают, и не терпел неповиновения.

Глава 4.1

Служанки замерли, словно пораженные громом. В воздухе повисло напряженное, звенящее молчание. Девушка, державшая шнуры, ослабила хватку, но не отпустила их, ее пальцы замерли в нерешительности. Они переглянулись, и в их широких глазах я прочла не просто испуг, а нечто большее — растерянность, замешательство и даже тень паники, будто они увидели, как статуя внезапно заговорила.

— Но, леди, — осмелилась наконец та, что занималась прической, ее голос дрогнул, — ведь мода... талия должна быть «осиной», иначе леди Караел...

Я не дала ей договорить. Та самая властная нотка, рожденная то ли отчаянием, то ли пробудившимся инстинктом самосохранения, вырвалась из моей груди с новой силой, громче и отчетливее, перекрывая ее робкие возражения:

— К черту моду! Я хочу дышать, а не падать в обморок при виде своей свекрови. Ослабьте. Сейчас же.

Последние два слова прозвучали как приказ. Тихий, без крика, но стальной, не допускающий дискуссий. Девушка-шнуровщица, побледнев как полотно, тут же, почти с испуганной поспешностью, ослабила шнуры настолько, что я смогла сделать относительно полноценный, дрожащий вдох. Сладкий, желанный воздух наполнил легкие, проясняя мысли, смывая панику. Да, талию все еще стягивало, но это уже не было похоже на смертельную пытку. Девушки снова, уже молча, принялись за работу, но теперь их движения стали почтительными, даже подобострастными, отточенными до автоматизма. Они ловили мой взгляд в зеркале, словно ожидая новых указаний, их плечи были напряжены. Что-то я им сказала. Что-то сделала не так, как обычно поступала леди Нитта. И это «что-то» — их не просто напугало, а сбilo с толку.

Наконец, церемония одевания была завершена. Я посмотрела в зеркало и едва узнала ту незнакомку, что отражалась в ней под лунным светом совсем недавно. Из него на меня смотрела настоящая, холодная аристократка. Платье глубокого сапфирового синего цвета, расшитое серебряными нитями, создававшими иллюзию ночного неба, подчеркивало новую, все же довольно изящную, даже в шадящем режиме, талию и высокую грудь. Волосы, уложенные сложной короной, делали шею длинной и лебединой, а лицо, с легким, почти незаметным макияжем, казалось одновременно прекрасным, отстраненным и незнакомым. Во всей этой безупречной картине не хватало только одного — уверенности внутри. Но, глядя на это великолепное отражение, ее было немного проще сымитировать.

— Готово, леди, — доложила старшая из служанок, низко склонив голову, словно перед королевой.

Я кивнула, не находя слов, чувствуя, как подступает комок к горлу. Страх перед встречей со свекровью никуда не делся, он сидел внутри темным, холодным комком, доставшимся в наследство от прежней хозяйки тела, и шептал о надвигающейся беде. Но поверх него легла тонкая, но прочная броня из решимости и злости. Если уж я оказалась в этой роли, то буду играть ее до конца. Играть так, чтобы выжить.

Я вышла из комнаты в коридор — широкий, высокий, с арочными сводами, увешанный гобеленами, изображавшими сцены охоты на существ, которых я не могла опознать. И тут случилось нечто странное, почти мистическое. Мои ноги сами понесли меня вперед, словно кто-то невидимый вел меня за руку. Я не раздумывала, куда идти, не выбирала из нескольких одинаково внушительных дверей. Я просто шла, ощущая под тонкой подошвой туфель прохладу отполированного до зеркального блеска камня, и точно, до жути точно знала — за этим поворотом будет лестница, широкая и парадная, а за ней — большой зал.

Это было сродни интуиции, но гораздо конкретнее, осязаемее. Остаточная память леди Нитты, встроенная в ее плоть? Я не знала, но была безмерно благодарна за эту подсказку, за

этот крошечный лучик уверенности в кромешной тьме неизвестности. По крайней мере, я не заблудилась бы и не опозорилась, не успев даже начать битву.

Спускаясь по мраморной лестнице, я чувствовала, как на меня устремляются десятки взглядов. Слуги, замершие у стен, как изваяния, почтительно склоняли головы, но я ловила на себе их быстрые, любопытные, испуганные взгляды, скользящие по новому платью, по причёске, по моему лицу. Шепотков не было, лишь гнетущая, почтительная тишина, в которой лишь шелестело мое платье, словно осенняя листва под ногами.

И вот я подошла к массивным дубовым дверям, ведущим, как я безошибочно чувствовала, в гостиную. За ними сидела она. Та самая свекровь. Леди Караел. Само имя звучало в моей голове с тревожным, предостерегающим звоном, заставляя сердце учащенно биться. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как корсет мягко, но настойчиво сопротивляется, и расправила плечи, заставляя себя выпрямиться во весь рост.

Я вошла.

Визуализация 4

Глава 5

Я вошла в гостиную, и у меня буквально перехватило дыхание. Если мои покои напоминали уютное гнездышко, то это помещение было создано для того, чтобы подавлять и устрашать. Высоченные потолки, расписанные фресками с изображениями сражающихся драконов, заставляли поднимать голову с чувством благоговейного ужаса. Колонны из черного мрамора впивались в пол, словно клыки гигантского зверя, а огромные окна в резных позолоченных рамах пропускали свет, который не согревал, а лишь подчеркивал ледяное величие зала. Воздух был густым и неподвижным, пахнувшим воском, старой пылью и чем-то еще.

Но вся эта роскошь мгновенно померкла перед женщиной, восседающей на бархатном диване посреди зала, словно на троне. Она сидела ровно, словно проглотила аршин, ее спина была прямой, а подбородок высоко поднят — с таким видом, будто все окружающее было недостойно ее взгляда. Высокая, сложная прическа, в которой каждый волосок лежал идеально, казалась не просто укладкой, а произведением архитектурного искусства. На ней было платье из тяжелого парчового штофа алого цвета, усыпанное жемчугом и темными сапфирами — наряд, больше подходящий для коронации, чем для утреннего визита, явно призванный продемонстрировать превосходство. Это была леди Караел. Моя свекровь. И одно лишь ее присутствие делало воздух ледяным.

Меня на секунду парализовало, и я почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Что делать? Как себя вести? Мозг лихорадочно перебирал варианты, но тело уже действовало само. И снова, как и с дорогой сюда, из глубин памяти, словно всплывшая табличка с инструкцией, пришло знание — четкое и неоспоримое. Мои ноги сами сделали несколько плавных, скользящих шагов вперед, а корпус склонился в легком, отточенном поклоне, который чувствовался привычным, хоть и чуждым мне.

— Матушка, — прозвучал мой голос, вежливый и холодный, как мрамор пола под ногами. Внутри все сжалось в комок.

Женщина на диване едва заметно искривила губы, будто почувствовала дурной запах, но кивнула в ответ, едва заметно. Ее взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по мне с ног до головы, и я почувствовала себя голой, пронизанной насквозь этим пронзительным взглядом.

— Подайте чай и оставьте нас, — бросила она слугам, стоявшим у стен, не удостоив их взглядом. Ее тон приказывал, и в нем звучала такая непоколебимая уверенность, будто это ее дом, ее слуги и ее неотъемлемое право распоряжаться всем и вся.

Во мне что-то ёкнуло от возмущения, горячая волна подкатила к горлу, но я с силой подавила порыв, сжав пальцы в кулаки, спрятанные в складках платья. Сначала — разведка. Нужно понять врага, его слабости. Я молча заняла место в кресле напротив, чувствуя, как бешено колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Волнение в животе, липкий, почти тошнотворный страх — это было наследие Нитты, физическая память тела о прошлых унижениях. Но я-то, Аглая, была собрана. Словно мой босс отправил меня на переговоры с особо важным и капризным спонсором, от которого зависели миллионы и судьба всего журнала. Это была знакомая роль, и я мысленно надела свой профессиональный щит.

Мы остались одни в гулкой, давящей тишине зала. Я воспользовалась паузой, чтобы изучить ее, впитывая каждую деталь. Да, она была прекрасна. Холодной, отточенной, как алмаз, красотой, не несущей тепла. И в ее сына... в лорда Караела... она, безусловно, передала свои лучшие черты — те же высокие скулы, прямой нос, безупречный овал лица. Но самое пугающее были ее глаза. Цвета темного неба, с такими же вертикальными, как у змеи, зрачками, как у ее сына. Они светились странным внутренним светом. Значит, книги не ввали. Они оба...

драконы? Мысль казалась дикой, абсурдной, но ведь и я сидела здесь, в чужом теле, в незнакомом мне мире. А раз у меня, у Нитты, зрачки обычные, круглые, человеческие... кто я тогда?

— Значит, ты отказалась расторгать брак с моим сыном, — ее голос, низкий и бархатный, был пропитан таким нескрываемым, ледящим отвращением, что по моей коже побежали мурашки. Ее взгляд изучал меня, словно я была редким, но мерзким насекомым, которого она разглядывала под лупой прежде, чем раздавить.

Усталость от постоянных объяснений, от необходимости оправдываться, пересилила осторожность. Во мне закипело возмущение.

— Я упала в обморок, — ответила я прямо, глядя ей в глаза и чувствуя, как закипает гнев.

По ее лицу, на котором, казалось, на века застыло выражение надменного спокойствия, промелькнула быстрая тень раздражения. Она не верила. Ни единому моему слову. Но комментировать не стала, предпочтя другой, более ядовитый козырь.

— Я всегда говорила моему сыну, что ты ему не пара, — произнесла она, отчеканивая каждое слово, вкладывая в них всю свою ненависть. — Глупый, неблагодарный мальчишка. Не слушает мать.

И тут во мне, к моему собственному удивлению, шевельнулась острая, почти болезненная обида. За него. За этого ледяного, неприступного мужчину. Я не знала, что связывало его и Нитту, но раз он когда-то выбрал ее в жены, на то была причина. И слушать, как его, могущественного лорда, с пренебрежением называют «мальчишкой» только за то, что он осмелился иметь собственное мнение, пойти против воли матери, было невыносимо. Это касалось уже и моей гордости.

Глава 5.1

— Что ж, — мои губы растянулись в холодной, безжизненной улыбке, которую я когда-то отрабатывала перед зеркалом, идя на сложные переговоры. — Не думаю, что меня это волнует. Я пока еще его жена. И намерена ей оставаться, если вы продолжите приходить в мой дом и приказывать моим слугам.

Я смотрела ей прямо в глаза, не отводя взгляда, и в моем голосе звучала та самая стальная твердость, которую я годами оттачивала, выбивая подписи у Виктора Ефимовича и торгуясь с поставщиками. Это был навык продавливания своих интересов, и сейчас он оказался ценнее любого меча. Я чувствовала, как дрожу изнутри, но внешне оставалась ледяной глыбой, прямо как мой новоприобретенный супруг.

Лицо леди Караел исказилось от неподдельного, яростного гнева. Надменное спокойствие рухнуло, обнажив чистую, незамутненную ярость.

— Да как ты смеешь! — она гневно вскинула брови и резко, с порывистой грацией хищника, поднялась с дивана, ее роскошное платье с гневным шуршанием обвилось вокруг ног. — Паршивка! Выбраковка!

Вот и всё. Мой изначальный, наивный план «договориться по-хорошему, как две взрослые женщины» испарился без следа, как дым. Эта женщина пришла не для беседы. Она пришла для того, чтобы утвердиться, поиздеваться, потешить свое раздутое эго за счет чужого унижения. И, судя по панической, физической реакции моего тела, прежняя Нитта регулярно давала ей такую возможность, подпитывая ее презрение. Что ж, теперь всё изменилось. Хватит.

Я тоже медленно поднялась, ощущая, как тяжелое платье тянет меня вниз, но выпрямив спину и расправив плечи, стараясь казаться выше.

— Не стоит бросаться такими словами, леди Караел, — произнесла я, и мой голос прозвучал звеняще тихо в огромной, гулкой комнате. — И не стоит приходить в мой дом без приглашения. В следующий раз я такой милой не буду.

Повернувшись к ней спиной — что, я интуитивно знала, было высшей степенью неуважения в аристократической среде, — я плавно направилась к выходу. Я чувствовала ее взгляд, жгущий мне спину, полный немой, бессильной ярости и оскорбленного величия. Казалось, воздух позади меня трещал от напряжения. Я вышла в коридор, оставив ее одну в компании ее гнева и вовремя подоспевших, перепуганных слуг с звенящим чайным сервизом.

Один из лакеев замер с подносом, глядя на меня выпученными, полными ужаса глазами. Я поймала его взгляд и подозвала жестом, чувствуя, как дрожь наконец начинает пробиваться наружу.

— Передайте приказ привратникам, — сказала я, опуская голос до шепота, но вкладывая в него всю оставшуюся волю. — Эту женщину в дом без моего личного разрешения не впускать.

— Но... леди... — прошептал он, его лицо побелело, как мел. — Это же мать лорда Караела! Он... он...

— Пока я здесь хозяйка, — отрезала я, и в моем тоне не осталось места для возражений. Стресс, выплеск адреналина и остатки гнева сделали меня резкой и беспощадной. — И прикажите, чтобы мне подали завтрак. В мои покои. Сейчас же. Я умираю от голода.

Он кивнул, почти стигбаясь пополам от низкого поклона, и бросился исполнять приказ, словно за ним гнался демон.

Я медленно пошла обратно по коридору, чувствуя, как дрожь подкашивает ноги, а в висках стучит кровь. Внутри всё горело от смеси триумфа, страха и осознания случившегося. Я только что объявила войну дракону-свекрови. Что же я наделала? Последствия этого могли быть ужасны.

В голове, как укор, прозвучали слова старушки: «Доброе у тебя сердце, душа моя. Ты растопишь своей добротой любую глыбу льда». Я с горькой, уставшей усмешкой покачала головой, поднимаясь по лестнице, цепляясь за перила для опоры. Добрая? Мирная? Сейчас я была скорее ехидной, дерзкой, решительной и безрассудной. Я не растапливала лед. Может, старушка ошиблась? Может, я вообще не та, что нужна для этой роли?

Визуализация 5

Глава 6

Оказавшись в своей комнате, я прислонилась спиной к резным дверям, чувствуя, как колени наконец-то предательски подкашиваются. Адреналин, подпитывавший меня во время стычки со свекровью, ушел, оставив после себя пустоту и мелкую дрожь во всем теле. Я сделала несколько глубоких, прерывистых вдохов, пытаюсь унять бешеный стук сердца. «Собратся, Аглая, соберись», — твердила я себе мысленно, заставляя мышцы спины распрямиться. После урагана, именуемого «свекровь», тишина и одиночество моих покоев показались мне самым дорогим, что у меня сейчас было. Здесь пахло знакомо, вернее закомо Нитте — тонкими духами и воском, а не враждебным ароматом чужих духов и холодной ярости.

Когда слуги, послушные моему резкому приказу, принесли завтрак, я ела медленно, с наслаждением, растягивая каждый кусочек. Воздушные сырники с ароматным ягодным соусом таяли во рту, а травяной чай с медовыми нотками согревал изнутри, по капле возвращая мне ощущение реальности. Это был мой маленький акт самоутверждения: я могу есть, дышать и существовать здесь, несмотря ни на что.

Оставшись одна до обеда, я снова устроилась в своем импровизированном гнездышке у окна с тем самым любовным романом. Солнечный свет, теперь яркий и теплый, ласкал страницы, и я с жадностью поглощала не столько сюжет о пылкой страсти аристократки и стойкого капитана стражи, сколько подтекст — те самые неписанные правила, по которым жил этот мир. И чем больше я читала, тем больше странное чувство во мне зрело — нечто среднее между недоумением и горьким признанием. По факту, местные взаимоотношения между мужчиной и женщиной не слишком отличались от тех, что были описаны в старинных романах моего мира, которые я когда-то пролистывала с легкой усмешкой. Мужчина, глава семейства, обязан был заботиться и обеспечивать семью, быть ее щитом и опорой. Женщина же должна была создавать уют и комфорт в доме, быть его сердцем, рожать детей, поддерживать начинания мужа и быть его надежным тылом. Ничего принципиально нового, шокирующего или отталкивающего. Простая, почти патриархальная идиллия.

Я отложила книгу, закрыв ее с тихим стуком, и задумалась, глядя на незнакомые далекие крыши за окном. И тут меня осенило. А ведь я, пожалуй, всегда на каком-то глубинном, тщательно скрываемом уровне мечтала о чем-то подобном. Не об этой конкретной, давящей роскоши, не о муже-драконе и не о враждующей свекрови. А о простой, человеческой схеме: партнерство, уважение, взаимная поддержка. О том, чтобы не приходилось ежедневно продавать свое достоинство и нервы самодуру-начальнику взамен на деньги, которых все равно не хватало на самое важное — на свой угол, на чувство безопасности и защищенности. Здесь, как ни дико это звучало, у меня был и дом, и формальный муж, обеспечивающий этот дом. Пусть он был ледяным айсбергом, но это была хоть какая-то опора. Оставалось лишь выяснить, могло ли здесь быть что-то еще. Что-то помимо холодности и этого давящего ощущения, что я — неудачная жена лорда Караела.

Но едва я собралась встать, чтобы размять затекшие ноги, дверь в мои покои снова распахнулась, и внутрь, словно ураган, влетела та самая служанка, что приносила весть о свекрови. Девушка была бледна, как полотно, ее глаза бегали по комнате с таким выражением, будто за ней гнался сам дьявол.

— Леди, вас ждет на обед супруг! — выпалила она, едва переводя дух, и мне показалось, что ее руки слегка трясутся. — В малой столовой! Немедленно!

Судя по ее перекошенному от испуга лицу, это был совсем не рядовой, заурядный случай. Во мне что-то екнуло. И

нтересно, подумала я с горьковатой усмешкой, он что, никогда не звал свою жену к столу? Или звал, и это всегда заканчивалось скандалом, слезами и вот этим вот паническим страхом

в глазах прислуги? Решив не строить догадок и сохранять лицо, я кивнула с той показной невозмутимостью, которую когда-то использовала, идя на разборки к Виктору Ефимовичу.

— Хорошо. Помогите мне переодеться.

На этот раз я выбрала платье спокойного, лавандового оттенка, напоминавшего мне о поле цветов где-то в другом, простом мире. И настояла на самом мягком, почти декоративном корсете из возможных. Сегодня я уже достаточно сражалась, и дышать хотелось полной грудью, а не короткими, жалкими всхлипами. Приведя себя в порядок, я решительно вышла в коридор, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Мои ноги снова сами понесли меня в нужном направлении, и это ощущение «автопилота» было одновременно пугающим и успокаивающим. Но что было действительно странно — так это мое сердце. Оно билось ровно и спокойно, как отлаженный механизм. Ни трепета, ни страха, ни злости, ни того смутного ожидания, которое могла бы испытывать женщина, идя на встречу с мужем. Полная, абсолютная нейтральность, как перед визитом к стоматологу. Получалось, что прежняя владелица этого тела не испытывала к собственному мужу ни малейших эмоций? Ни положительных, ни отрицательных? Какие же у них были отношения? Холодный договор? Политический союз между людьми и драконами? Эта загадка вертелась у меня в голове, когда я подошла к дверям малой столовой.

Глава 6.1

— Вы опоздали, — ледяным, безразличным тоном, режущим слух, как стекло, прозвучало из-за стола, едва я переступила порог.

Лорд Караел сидел во главе стола, безупречный и холодный, как изваяние из самого светлого мрамора. В голове тут же вспыхнуло знание, яркое и навязчивое, словно всплывшее сообщение: я должна сделать реверанс, поприветствовать супруга как полагается, с почтительными, заученными словами. Но что-то во мне, та самая Аглая, что годами копила унижительные упреки от Виктора Ефимовича, вдруг взбунтовалась. Раз он отнесся ко мне с таким пренебрежением, даже не удосужившись предупредить о совместном обеде, то и я не стану раболепствовать.

— Да, я знаю, — спокойно, почти небрежно ответила я вместо этого и, не дожидаясь приглашения, подошла и села на свое место. В груди зажглась маленькая, но яростная искра раздражения, согревающая меня изнутри. — В следующий раз предупреждайте меня о своих намерениях пообедать вместе. Может быть, тогда я приду вовремя.

Ледяной супруг на мгновение замер. Его пронзительные глаза с вертикальными зрачками уставились на меня с таким выражением, будто он увидел, как одна из статуй в зале вдруг ожила и заговорила. Его зрачки едва заметно дрогнули, расширившись от чистого, немого потрясения, выбившего его из привычной колеи равнодушия. Но уже через секунду, будто захлопнув невидимую дверцу, его лицо вновь стало непроницаемой маской. Не удостоив меня ответом, он молча, с отточенным движением взял вилку и начал есть, демонстративно глядя куда-то в пространство над моей головой.

Я последовала его примеру, с интересом разглядывая незнакомые блюда. На столе стояло что-то вроде запеченной птицы с золотистой корочкой и незнакомыми кореньями, салат из зелени с плодами, напоминавшими крошечные фиолетовые перцы. Я накладывала себе понемногу, стараясь пробовать все, и с удивлением обнаружила, что местная кухня была не просто съедобной, а некоторые сочетания даже были более приятны, чем в моем мире.

Тишина за столом была гнетущей, звенящей, нарушаемой лишь приглушенным звоном приборов. Слуги двигались бесшумно, как тени, меняя блюда. Я ловила на себе их краткие, полные любопытства взгляды. И когда подали десерт — нечто воздушное, похожее на безе с терпкой фруктовой пеной, — лорд Караел наконец нарушил молчание, и его голос прозвучал как удар хлыста по натянутым струнам тишины.

— Вы сегодня встречались с моей матерью, — произнес он, и это не был вопрос. Это была холодная констатация факта, за которой явно скрывалась целая буря невысказанных претензий.

«Вот оно, начало», — подумала я, чувствуя, как спина сама собой выпрямляется. Пожаловалась маменька. Злость, которую я с трудом сдерживала все это время, вспыхнула внутри с новой, обжигающей силой, подступая комком к горлу.

— Да, она залетала утром, — внешне равнодушно пожала я плечами, хотя внутри все закипало от возмущения. Вся эта ситуация — этот вызов на ковер, как к тому самому Виктору Ефимовичу, — казалась мне до абсурда унижительной и нелепой.

— И вы повели себя недостойно, — тут же, без паузы, добавил он, сверля меня своим ледяным, пронизывающим взглядом. В его ровном тоне сквозило четкое ожидание — ожидание оправданий, подобострастных извинений, привычного унижения и покорности.

Но я лишь мрачно улыбнулась, изо всех сил изображая внешнее спокойствие, хотя пальцы сами сжались вокруг ложки так, что костяшки побелели.

— Своей матери ты тоже прочитал лекцию о ее поведении? — уточнила я, намеренно перейдя на «ты», решив, что если уж мы муж и жена, пусть и на бумаге, то эти показательные,

ледяные «вы» лишь подчеркивают пропасть между нами. — Если нет, то и я отказываюсь выслушивать претензии.

Аппетит мгновенно пропал, сменившись тошнотным чувством где-то под ложечкой. Я отодвинула от себя тарелку с нетронутым, вдруг ставшим безвкусным десертом.

— Моя мать — достойная драконица, и она... — начал он тем же ледяным, наставительным тоном, но я его перебила. С меня хватит. Хватит на всю оставшуюся жизнь.

— И она не заслужила моего уважения, — отрезала я, глядя ему прямо в глаза, в эти странные, пугающие зрачки. Мой голос звучал тихо, но каждое слово было отчеканено из стали и горькой обиды. — Я уже сообщила слугам, сообщаю и тебе. Если твоя мама вновь захочет нанести визит, пусть предупреждает заранее. Если же ей, как и сегодня утром, захочется поднять себе настроение, унижая меня, да и, по сути, тебя самого, твой выбор и твой брак, то пусть делает это перед зеркалом. Выслушивать ее претензии касательно моей ущербности или ущербности нашего брака я не намерена. Понятно?

На его безупречном, холодном лице явственно проступило потрясение. Маска равнодушия треснула, обнажив на мгновение чистое, ничем не прикрытое изумление, почти растерянность. Он явно не ожидал такого отпора. Никогда. От нее. От леди Нитты.

Пользуясь его шоком, я отодвинула стул с резким скрипом, который прозвучал невероятно громко в тишине зала, и поднялась.

— Если ты закончил меня отчитывать, то я, пожалуй, пойду, — заявила я, хотя в голове назойливо, как сигнал тревоги, звучала подсказка, что супруг должен встать из-за стола первым, тем самым давая разрешение на окончание трапезы. К черту эти правила. К черту все. — У меня весьма много дел по дому, раз мы пока еще не разведены.

И, гордо выпрямив спину, словно неся на голове невидимую корону, я развернулась и вышла из столовой, не оборачиваясь. Позади меня стояла абсолютная, оглушительная тишина, нарушаемая лишь гулким, властным стуком моих собственных каблуков по мрамору.

Я чувствовала на себе десятки глаз — и обжигающий, потрясенный взгляд мужа, и испуганные, широко раскрытые глаза замерших слуг. Но внутри, несмотря на всю бушующую ярость, унижение и страх перед последствиями, я чувствовала странное, горькое, почти эйфорическое удовлетворение. Похоже, леди Нитта наконец-то обрела свой голос. И пусть он был грубым, неуместным и вызывающим, но это был ее — вернее, мой — голос. И с этого дня, я чувствовала это каждой клеточкой своего нового тела, все будет иначе.

Визуализация 6

Глава 7

Сидеть в четырех стенах своих роскошных покоев, в этом позолоченном склепе, стало невыносимо. Тишина давила на уши, а стены, казалось, шептали отголоски чужой жизни — жизни леди Нитты, которую я так и не могла понять. Бесконечное перемалывание одних и тех же мыслей, этот клубок страха, растерянности и щемящего любопытства, грозил свести меня с ума. Нужно было действовать. Если уж я застряла в этом теле и в этом безумном мире, пора перестать быть пассивной куклой и начать изучать территорию. Я — леди Нитта, хоть и ненастоящая, а значит, этот дом в какой-то степени и мой. Пора это проверить, пусть даже из чистого, отчаянного любопытства.

Мой первый визит был на кухню — сердце любого дома, как мне всегда казалось. Едва я переступила порог, как в огромном, залитом светом и теплом от плит помещении воцарилась мертвая, звенящая тишина. Богатые, сложные ароматы специй, свежее испеченного хлеба и томлящегося мяса, еще секунду назад такие живые и манящие, словно застыли в воздухе, испуганные моим вторжением. Поварихи и их помощницы замерли, словно птицы, застигнутые светом фар. Главная кухарка, дородная женщина с умными глазами и щеками, красными от жара, чуть не выронила огромный зазубренный нож и сделала резкое движение, будто собиралась рухнуть ниц прямо на каменный пол.

— Чем могу служить, леди? — проскрипела она, и в ее обычно громком, уверенном голосе слышался неподдельный, животный ужас.

— Ничем, — постаралась сказать как можно мягче, окидывая жадным взглядом столы, ломившиеся от диковинных овощей, фруктов всех цветов радуги и холщовых мешочков, из которых выглядывали ароматные травы и корешки. — Просто... хотела посмотреть. Продолжайте, пожалуйста.

Но стоило мне сделать робкий шаг к центральному столу, чтобы рассмотреть фиолетовый корнеплод, похожий на свеклу, но испещренный золотыми прожилками, как все присутствующие снова застыли в ступоре, затаив дыхание. Стало ясно как день: прежняя Нитта сюда никогда не заходила. Ее появление в рабочих помещениях было чем-то немыслимым, почти кощунственным. Мое же вторжение не просто нарушало уклад — оно сеяло панику. Я чувствовала себя незваным гостем, слоном в посудной лавке, и это ощущение было до боли знакомым, словно я снова была той незаметной секретаршей, которая случайно зашла в кабинет к начальству.

Не желая смущать их дальше, я ретировалась и отправилась в прачечную. Там пахло мыльными корнями, свежестью и чем-то еще, озоном, словно после грозы. Я с замороженным, детским любопытством наблюдала, как служанки замачивали белье в больших медных чанах, куда шепотками добавляли какой-то перламутровый, переливающийся порошок. Ткани, коснувшись воды, начинали мягко светиться изнутри, и грязь с них буквально сползала хлопьями, оседая на дно темным илом. «Магический стиральный порошок», — с долей горьковатого юмора подумала я. Похоже, мой супруг не скупился на хозяйственные нужды, обеспечивая свой дом последними достижениями магического быта. Было одновременно восхитительно и грустно — восхитительно от самой магии, грустно от осознания, насколько я здесь чужая.

Затем я просто бродила по бесконечным анфиладам залов и галерей, и мое первоначальное восхищение постепенно сменялось гнетущим чувством. Дом и впрямь напоминал большой екатерининский дворец, вывернутый наизнанку, где стиль барокко с его завитушками, позолотой, херувимами и лепниной был применен с таким размахом, что глаза начинали разбегаться. Казалось, архитектор страдал священным ужасом перед пустым пространством и стремился заполнить каждую пядь стены, потолка, даже дверных ручек. Это было ослепительно, неверо-

ятно богато, но... бездушно и чужеродно. Я чувствовала себя букашкой в гигантской, сверкающей шкатулке.

Наконец я вышла в сад, и здесь меня наконец ждало долгожданное умиротворение. После давящей роскоши интерьеров простор и воздух показались благословением. Идеально гладкие изумрудные газоны, подстриженные с почти неестественной точностью кусты незнакомых растений с серебристой и лазурной листвой, клумбы с цветами невероятных форм и оттенков, источающими сложные, пьянящие ароматы, в которых угадывались ноты жасмина, корицы и чего-то совсем неземного.

Я шла по аккуратным дорожкам из белого гравия, вдыхая полной грудью чистый, свежий воздух, и в голове крутилась одна и та же навязчивая, щемящая мысль: супруга должна приносить в дом уют, быть его сердцем. Но здесь все — от сияющего мрамора и паркета до безупречного газона — работало как отлаженный часовой механизм без моего малейшего участия. Более того, мое появление в рабочих зонах вызывало только панику и замешательство. Что же мне здесь делать? Какая от меня польза, кроме как стоять красивым, молчаливым приложением к титулу лорда Караела? Мысль о том, чтобы провести так всю жизнь вызвала у меня приступ ужаса.

Ужинала я в одиночестве в той самой малой столовой. Прислуга обслуживала меня бесшумно и быстро, а я в гнетущей тишине, под аккомпанемент тиканья огромных напольных часов, размышляла о том, чем же занимается мой загадочный супруг. Судя по тому, что его не было дома целый день, у него была какая-то работа, обязанности. Но какая именно? Управление землями? Суд? А может, нечто, связанное с его драконьей природой? Мысль о том, что он может превращаться в огромного крылатого ящера, уже не казалась такой безумной, а становилась все более реальной и оттого еще более интригующей.

После ужина во мне созрела дерзкая, почти отчаянная идея, рожденная наполовину от скуки, наполовину от желания хоть как-то влиять на свою судьбу. Прятаться бесполезно. Нужно идти в наступление. Или, по крайней мере, проявить наглость.

— Проводи меня в покои супруга, — сказала я своей личной служанке, девушке по имени Лира, которую видела уже не раз за этот день и в чьих глазах читалась не только подбострастная преданность, но и живой, незамутненный ум.

Глава 7.1

Лира, не проронив ни слова, лишь кивнула с таким выражением лица, будто я попросила отвести меня на плаху, и повела меня длинными, безлюдными коридорами в другое крыло дома. Интерьер здесь резко изменился, и я почувствовала облегчение. Исчезла давящая, вычурная позолота и замысловатые вензеля. Стены были выкрашены в спокойные, льди-сто-голубые и серебристо-серые тона, мебель — строгих классических форм из темного, полированного дерева. Даже воздух пах по-другому — не духами и воском, а кожей, древесиной и чем-то свежим, почти морским. Мне это неожиданно понравилось куда больше моих вычурных покоев. Здесь чувствовалась не показная роскошь, а сдержанная сила, порядок и мужской вкус.

— Покои лорда Караела, — прошептала Лира, бросая на меня взгляд, полный неподдельного ужаса и какого-то странного сочувствия.

— Ты можешь быть свободна, — отпустила я ее, стараясь звучать уверенно, хотя колени предательски дрожали. — Разбудишь меня за час до завтрака. — Будильников я тут не обнаружила, а магическими штуковинами, если они и были, пользоваться не умела.

Дверь в его спальню поддавалась беззвучно и легко. Почему-то я была уверена, что она заперта, или что мне придется ломиться внутрь с боем. Стучать я не стала, будучи на сто процентов уверенной, что его нет дома. Я ошиблась. Роковым, смущающим и одновременно восхитительным образом.

Он как раз выходил из ванной, и мой мозг на секунду отказался обрабатывать информацию, выдав вместо нее белый шум и оглушительный звон в ушах. Он был... мокрым. Капли воды, словно роса на идеально отполированном мраморе, стекали по рельефному торсу, подчеркивая каждую выпуклость кубиков пресса, каждую тугую мышцу плеч и предплечий. Взгляд, против моей воли, сам собой скользнул вниз, к низко повязанному на бедрах белому полотенцу, которое казалось до неприличия маленьким и хрупким. Я заметила, что его ноги — стройные, мускулистые и безупречно прямые — были совершенно лишены волос, в отличие от мужчин моего мира. Это маленькое, интимное открытие лишь подстегнуло осознание его инаковости, его потустороннего, отточенного совершенства. Внизу живота что-то томно и тепло сжалось, а в груди вспыхнуло восхищение, смешанное с острым, щекочущим нервы интересом и внезапной, дикой стыдливостью.

Сердце заколотилось где-то в горле, учащенно и громко, совсем не от страха. Губы пересохли, и я облизнулась, пытаясь смочить их. По телу разлилась предательски теплая волна, а в животе запорхали настойчивые, трепетные бабочки. Я чувствовала, как горит лицо, и была благодарна, что при свечах, зажженных в помещении как единственный источник света, это, возможно, не так заметно.

Он же, увидев меня, просто замер на месте, ошеломленный до глубины души. Влажные черные волосы были растрепаны, несколько прядей упали на лоб, а на его обычно бесстрастном, высеченном из льда лице читалась полная, абсолютная растерянность. Он выглядел... моложе. И уязвимее.

— Леди? — наконец медленно, растягивая слова, произнес он, и его язык на мгновение скользнул по губам, смачивая их. — Что вы тут делаете?

В его голосе не было привычной ледяной стены, того тона, которым он отдавал приказы или бросал обвинения. Слышалось чистое, ничем не прикрытое, живое недоумение. И это уже было прогрессом, крошечной трещиной в его броне. Но что я тут делаю? Я-то думала, его нет! Я просто хотела тайком, как шпион, изучить его логово, понять, как живет тот, чье ледяное сердце мне, по пророчеству старушки, надлежало растопить. Я не была готова к этой встрече.

— Я... — я растерялась, чувствуя, как жар разливается по щекам и шее. Но отступить было поздно. Позорно. — Я пришла узнать, почему вы не были на ужине, — выдавила я,

снова переходя на «вы» и делая легкий, почти автоматический реверанс, на который меня подтолкнула мышечная память Нитты. Действовать по заложенной кем-то программе было в тысячу раз проще, чем стоять и глупо пялиться на его полуобнаженное тело, пытаясь не смотреть на капли воды, скатывающиеся по груди вниз, к тому самому полотенцу...

Он помолчал, его странные глаза с вертикальными зрачками изучали меня с незнакомым до сих пор интересом.

— Я только прилетел.

«Прилетел». Это слово, произнесенное так буднично, застряло у меня в голове, как заноза. Я слышала его уже не в первый раз. И судя по контексту, явно тут летают не на самолетах. Значит, на крыльях? Моя догадка о том, что они и впрямь могут превращаться в драконов, из разряда безумных фантазий переходила в разряд пугающей и волнующей реальности. Жуткий, неукротимый интерес зашевелился внутри, но я сдержала порыв засыпать его вопросами с порога.

Решила про себя: как-нибудь надо будет обязательно подглядеть. Но для начала надо выйти из этой дурацкой ситуации с достоинством.

— Тогда я прикажу подать вам ужин сюда, — быстро нашлась я, чувствуя, как дрожь в коленях усиливается, и сделала резкий шаг к двери, успев за пару секунд мельком окинуть взглядом комнату. Сдержанный мужской интерьер, огромная кровать с темным покрывалом, строгий комод вместо будуара, на котором лежали какие-то бумаги. Моя рука уже тянулась к холодной металлической ручке...

— Оставайтесь.

Его голос прозвучал тихо, но четко, и в нем слышалась неуверенность, словно он не планировал этого говорить, и слова вырвались сами, против его воли. На его лице вновь мелькнуло недоумение, но он быстро взял себя в руки, и в голосе вновь появились знакомые холодные, отстраненные нотки. — У меня есть к вам пара вопросов.

Но теперь-то я видела разницу. Это было явно напускное, защитная реакция, маска, которую он спешно надевал, а не то глубинное, пронизывающее равнодушие, от которого стыла кровь в жилах там, в храме.

Я кивнула, чувствуя, как внутри все сжимается от странной смеси страха и предвкушения. Нам, а точнее им (Нитте и лорду Караелу) и впрямь давно пора было поговорить. Без свидетелей, без масок. Или, по крайней мере, с меньшим их количеством.

— Хорошо. Сейчас дам приказ слугам об ужине для вас и вернусь, — вывернулась я, с трудом отрывая взгляд от его тела, которое манило, как магнит, одновременно пугая и притягивая. — Вы пока... оденьтесь. Пожалуйста.

Я почти выпорхнула в коридор, притворив за собой дверь с тихим, но оглушительным в тишине щелчком. Прислонившись спиной к прохладной каменной стене, я закрыла глаза, пытаясь унять бешеный, неистовый стук сердца, отдававшийся в висках. Руки заметно дрожали, и я сжала их в кулаки. Воздух в легких горел. Но сквозь дрожь, смущение и дикий испуг пробивалось новое, щекочущее нервы, почти пьянящее чувство — предвкушение и жгучее, неукротимое любопытство. И эти пульсирующие, живые эмоции были только мои. Аглаины. Я знала это точно. Похоже, вечер только начинался, и он обещал быть куда интереснее, чем я могла предположить.

Визуализация 7

Глава 8

Пока я отдавала распоряжения прислуге в коридоре, мои руки дрожали так, что я сцепила их за спиной в тугую, белый от напряжения узел. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, неровным стуком в ушах, словно пыталось вырваться на свободу. Я волновалась, как школьница, вызванная к директору за совершенное преступление, хотя сама толком не понимала — почему. Ведь это был всего-навсего разговор. Пусть и с мужем-драконом в его спальне. Пусть и после того, как я застала его в состоянии, от которого кровь бросилась в щеки, а воображение услужливо подкидывало картинки, от которых становилось душно и жарко, словно от приближающейся грозы.

Вернувшись в его покои, я обнаружила, что он все же оделся. Но не в свой привычный безупречный, отутюженный до скрипа камзол, а в простые, но идеально сидящие на нем штаны из мягкой темной ткани, подчеркивающие каждую линию его бедер и длинных, сильных ног, и шелковую рубашку цвета старинного серебра. Она была расстегнута наполовину, открывая гладкую, загорелую кожу и рельеф мощной грудной клетки. Эта небрежная, почти интимная недоделанность смущала и волновала куда больше, чем полная нагота. Казалось, он приоткрыл дверцу в свое личное пространство, куда посторонним вход был заказан, и от этого мое собственное дыхание стало сбивчивым.

— Прошу, присаживайтесь, леди, — его голос, низкий и ровный, вывел меня из оцепенения. Он жестом указал на два глубоких кожаных кресла в углу комнаты, которые я впопыхах не заметила. Рядом стоял невысокий столик из темного дерева — видимо, для того, чтобы трапезничать здесь, не спускаясь в парадные залы.

— Спасибо, лорд, — вежливо ответила я, опускаясь в одно из кресел и чувствуя, как мягкая, прохладная кожа принимает меня в объятия. Я решила вспомнить о манерах, тем более что на этот раз он не начал разговор с упрека или обвинения. Хорошее поведение, как я думала, надо поощрять. В голове промелькнула крамольная, почти истерическая мысль: «Это как с собаками — всем своим видом показываешь, что вот это плохой поступок, а вот это — хороший. Думаю, драконы поддаются дрессировке не хуже». Я чуть не фыркнула, но сдержалась, лишь слегка поджав губы и ощутив, как в углу рта дрожит предательская улыбка.

В этот момент в комнату влетела вереница слуг, бесшумно и ловко расставив на столике графины с напитками и сверкающие приборы. Передо мной тоже поставили тарелку с изысканной едой, от которой еще час назад у меня потекли бы слюнки.

— Я не голодна, уберите, — попросила я, махнув рукой. Мысль о еде вызывала тошноту — желудок был сжат в тугую, болезненный комок от нервного напряжения, а в горле стоял ком.

Слуги, закончив свои дела, растворились так же быстро, как и появились. Мы остались одни. Тишину нарушал лишь тихий шелест листвы из распахнутого окна и далекие, мелодичные трели незнакомых ночных птиц. Воздух в комнате был прохладным. Пахло кожей, дорогим мылом, мокрым шелком и чем-то неуловимо бодрящим, как запах озона после бури или статического электричества перед грозой.

Лорд Караел не спеша начал есть, но его внимание было всецело приковано ко мне. Он изучал меня так, словно видел впервые — не как досадную помеху или предмет интерьера, а как нечто новое, странное и необъяснимое. Ледяное равнодушие, которое было его второй кожей, сегодня дало трещину, сквозь которую проглядывал искренний, живой, почти научный интерес. И это изменение пугало и волновало одновременно, заставляя мое сердце биться чаще.

От нечего делать и чтобы скрыть смущение, я принялась изучать его в ответ, пряча свой взгляд за опущенными ресницами. У него черные, как смоль, волосы, несколько прядей выбились и мягкими завитками лежали на лбу. Длинные, изящные пальцы с коротко подстрижен-

ными ногтями уверенно держали приборы. Идеальные, словно выточенные резцом безумного гения, черты лица. Как же так вышло, что этот мужчина, чья красота была почти пугающей в своем совершенстве, был абсолютно равнодушен к прежней Нитте? И почему он, дракон, выбрал в жены именно ее, простую смертную? Я уже успела понять, что сама не была драконницей — мои зрачки были самыми обычными, круглыми, и никаких скрытых сил, магии или зова крови в себе я не ощущала.

А еще меня мучил вопрос, от которого сжималось сердце: почему свекровь презрительно, с таким отвращением, назвала меня «выбракровкой»? И что он имел в виду, бросив когда-то фразу о том, что «титул еще со мной», и поэтому они обязаны пойти на бал? Почему он мог его потерять? Что стояло за этим браком? В голове роился рой вопросов, жужжащих и беспокойных, как потревоженный улей, а ответов не было ни одного.

— Значит, ты передумала разрывать этот брак? — его слова обрушились на меня неожиданно, разрезая тишину.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что вздрогнула всем телом, чуть не подпрыгнув на месте, и почувствовала, как кровь отливает от лица.

Мой взгляд встретился с его спокойным, невозмутимым лицом. В тоне все еще чувствовалась привычная холодность, но теперь в нем явно читалась искра живого, неподдельного любопытства. И что самое главное — он перешел на «ты», растягивая это обращение, словно пробуя его на вкус, смакуя его внезапную интимность, которой между ними (Ниттой и лордом), судя по всему, никогда не было и в помине.

— Почему же, — выдохнула я, заставляя себя держаться и ощущая, как холодеют кончики пальцев. — Просто я... решила, что этот аргумент остановит твою матушку от будущих визитов. — Это была чистая правда. О самом же браке я не могла сказать ничего — я не знала, что его связывало и что разрывало. Наверняка у прошлой Нитты были веские причины желать развода, как, впрочем, и у него самого. Или я ошибалась? Может, в этом браке было что-то, о чем я не догадывалась?

Мужчина на мгновение задумался, его взгляд стал отстраненным, унесшимся куда-то вглубь себя.

— Ты изменилась, — вдруг произнес он, вновь пристально всматриваясь в мое лицо, словно пытаясь разгадать сложную головоломку. Его взгляд скользнул по моим губам, задержался на глазах, сканируя, выискивая малейшую фальшь, тень сомнения. Мне на секунду показалось, что он буквально читает мои мысли, видит пленку моих воспоминаний о другом мире, и ледяной ужас сковал меня, заставив похолодеть кожу на спине. Но я мысленно встряхнулась, заставила себя сделать мелкий глоток воздуха — нельзя было показывать страх.

Глава 8.1

— Просто раз нам нечего больше сохранять, решила быть собой, — выкрутилась я, с трудом придумав эту жалкую, немощную отмазку. Говорить правду о том, что я из другого мира и понятия не имею, что здесь происходит, было смертельно страшно. Глубоко внутри, в самой подкорке, шевельнулось животное предчувствие, что он немедленно, без тени сомнения, использует эту информацию против меня, как оружие.

Я незаметно, как мне казалось, вытерла вспотевшие, липкие ладони о мягкую ткань платья, чувствуя, как предательская влага проступает вновь почти мгновенно.

— Ты давно знала о том, что данный брак обречен. Так почему сейчас? — его вопрос прозвучал тихо, почти ласково, но попал точно в цель, в самое болезненное, уязвимое место моей лжи.

Черт! Внутри все сжалось в один тугой, горячий комок паники. Что я могла ему ответить? Что настоящая Нитта, возможно, мертва, а на ее месте сидит совершенно другая, растерянная женщина, которая сама не знает, что творит и зачем все это? Я беспомощно, почти по-детски, пожала плечом, предпочитая уклончивое, жалкое молчание откровенной, самоубийственной лжи.

Он не стал настаивать. Его молчание повисло в воздухе, густое и тягучее, как смола. С каждой секундой напряжение нарастало, наполняя комнату незримым, гнетущим электричеством, от которого волосы на руках вставали дыбом. Наконец, он отвел взгляд от меня и уставился в ночное окно, в черную, бархатную бездну, усеянную незнакомыми, слишком крупными и яркими звездами.

— Я предложу тебе больше денег, — наконец произнес он, и слова его прозвучали как холодный приговор о смертной казни. — Думаю, пяти тысяч будет достаточно.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног, а комната медленно плывет вокруг. Что? Он что, предлагал Нитте заплатить за развод? Или я что-то не так поняла, и эта сумма предназначалась за что-то другое? За что? Может, за то, чтобы я родила ему наследника и исчезла? Или сделала что-то еще, о чем даже боялась подумать? Что вообще здесь происходит?!

В висках застучало, в глазах потемнело, и я снова, уже в который раз, почувствовала себя той самой беспомощной секретаршей Аглаей, которую водят за нос поставщики и которой диктуют условия сверху.

Я нервно, быстрым движением языка облизала пересохшие, потрескавшиеся губы, решая про себя, что соглашаться точно не стоит, не зная даже условий этой странной, пугающей сделки.

— Не думаю, что меня интересуют деньги, — выдавила я, и мой голос прозвучал хрипло и неестественно громко в тишине.

Взгляд дракона тут же, с хищной, молниеносной быстротой, вернулся ко мне. На этот раз он изучал меня дольше и пристальнее, словно видел насквозь, читал по биению жилок на висках и расширенным зрачкам. Он заметил мое нервное подрагивание кончиков пальцев, то, как я снова, уже отчаянно, вытерла ладони о подол, мое беспокойное, выдающее ерзанье в кресле. Я чувствовала себя абсолютно уязвимой, как бабочка, приколотая булавкой к стенду под лупой бесстрастного энтомолога.

— Это... интересно, — наконец произнес он, слегка наклонившись вперед, и в его движении была плавная, хищная грация. В его глазах горел уже не просто интерес, а жадный, цепкий азарт охотника, учуявшего наконец-то дичь, ведущую себя не по правилам. — А что же ты хочешь?

Вопрос прозвучал обманчиво просто, почти невинно, но я почувствовала в нем стальные зубья ловушки, скрытый, многогранный смысл, который не могла разгадать из-за своего пол-

ного, тотального неведения. Изображать уверенность больше не получалось, маска спала. Я не стала скрывать нервное напряжение и закусила нижнюю губу, чувствуя, как она дрожит, и вкус страха был солоноватым на языке.

— А что ты можешь предложить? — парировала я, заставляя себя встретиться с его взглядом, вглядываясь в эти бездонные, вертикальные зрачки, пытаюсь найти в них хоть ключ, хоть намек.

И в этот момент по коже побежали колкие, электрические мурашки, будто кто-то провел по ней ледяной сосулькой. Дыхание перехватило, в груди стало тесно. Этот разговор даже отдаленно не был близок к чему-то интимному, но почему-то его последние слова, мой ответ, сама атмосфера в комнате — все это вдруг стусилилось, сжалось, приблизив нас к какой-то незримой, опасной черте. Это было странно, необъяснимо и пугающе, но каждый волосок на моем теле встал дыбом от его пристального, неотрывного взгляда, от его физической близости, от этого наэлектризованного, густого воздуха между нами, который, казалось, вот-вот вспыхнет.

Он оставался внешне спокоен, невозмутимый кусок льда, и лишь его горящий, почти физически ощутимый взгляд выдавал настоящее, живое напряжение.

— Все, что ты пожелаешь, — тихим, проникающим в самое нутро, бархатным голосом произнес он, и в этих словах был невыносимый, дразнящий соблазн и обещание чего-то невыразимого.

Его слова, низкие и обволакивающие, словно вползли под кожу, проникли в кости, рождая глубокую, трепетную дрожь где-то в самом основании позвоночника, заставляя сжаться живот. Я поняла: до таяния ледников мы еще очень и очень далеки. Но... начало было положено. Дракон не просто заинтересовался — он увлекся игрой. А это значило, что нужно было поддерживать этот интерес, а для этого нельзя было позволить ему прочитать меня как открытую, кричащую о своей тайне книгу. И пусть я была до смерти напугана, сбита с толку и чувствовала себя абсолютно беззащитной песчинкой перед этой нечеловеческой силой, но сил на то, чтобы встать и выйти, сохранив последние остатки достоинства, у меня должно хватить.

Я поднялась с кресла, заставляя непослушные, ватные ноги не подкашиваться, и посмотрела на него с вызовом, которого не совсем чувствовала, но который отчаянно пыталась изобразить.

— Вы знаете, — я намеренно, с усилием, снова перешла на «вы», чтобы отстроить дистанцию, возвести между нами ледяную стену, подчеркнуть пропасть, — уже поздно. Я устала. Думаю, мы можем продолжить наш разговор в другой раз. — Я сделала легкий, почти небрежный, но от этого только более язвительный реверанс. — Спокойной ночи, мой супруг.

Развернувшись, я направилась к двери, чувствуя его взгляд на своей спине — тяжелый, пристальный, прожигающий ткань платья. Он не произнес ни слова, не попытался меня остановить, но его молчание было красноречивее любых слов. Я открыла дверь и вышла в коридор, и лишь там, прислонившись спиной к прохладной, шершавой каменной стене, позволила себе выдохнуть всю грудь и почувствовать, как все тело дрожит мелкой, предательской, неконтролируемой дрожью, а сердце бьется так, словно пытается выпрыгнуть.

В голове стоял оглушительный гул, хаос из обрывков вопросов, слепого страха, растерянности и смутного, щемящего, запретного предвкушения. Я не понимала до конца, что только что произошло и о чем на самом деле, с подтекстами и недомолвками, был этот странный, полный опасных намеков разговор. Но одно я знала точно, ощущая это каждой клеткой своего нового, чужого тела — лед тронулся. Это было определено так. И теперь все зависело от того, смогу ли я не оступиться и не упасть в ледяную, темную воду, что бушевала под тонким, хрупким настом его внезапного интереса.

Визуализация 8

Глава 9

Вернувшись в свои покои, я прислонила спину к массивной дубовой двери, чувствуя, как ее прохлада просачивается сквозь тонкую ткань платья, пытаюсь остудить разгоряченную кожу. Дрожь, мелкая и предательская, все еще бегала по рукам, и я сжала ладони в кулаки, впиваясь ногтями в кожу, пытаюсь вернуть себе хоть каплю самообладания. Воздух в комнате, пропитанный ароматом цветов, показался мне невероятно спокойным и уютным после того наэлектризованного, густого напряжения, что царило в спальне лорда Караела. Я сделала несколько глубоких, прерывистых вдохов, пытаюсь привести в порядок разбегающиеся, как испуганные мыши, мысли, но они упрямо возвращались к его последним словам, произнесенным тем низким, бархатным голосом, который, казалось, вибрировал у меня в груди: «Все, что ты пожелаешь».

Что он имел в виду? И чего, черт возьми, я сама хотела в этом безумном мире, где я была в чужом теле и в чужой жизни?

Мое размышление прервал тихий, почтительный стук в дверь, заставивший меня вздрогнуть. На пороге, как призрак, стоял лекарь Элвин с тем же самым деревянным подносом, на котором красовалась зловеще знакомая чаша с дымящимся, терпко пахнущим отваром.

— Леди, вам необходимо пропить курс до конца, для полного восстановления сил и ясности ума, — пояснил он, его мудрые глаза с заметили мое непроизвольное сморщивание носа. — Как минимум, три дня. Иначе головные боли, слабость и... спутанность сознания могут вернуться.

Последние слова прозвучали с особой значимостью, и мне показалось, что он смотрит на меня слишком пронизательно. Спорить не было ни сил, ни, откровенно говоря, желания. Я чувствовала себя выжатой, как лимон. Я покорно приняла тяжелую чашу. Отвар был таким же горьким, но на этот раз горечь показалась мне почти знакомой, своей, словно я уже начала привыкать к этому миру и его странным лекарствам. Я залпом выпила противную жидкость, чувствуя, как по телу тут же разливается приятная, тяжелая волна расслабления, смывая остатки адреналина. Словно кто-то выдернул вилку из розетки, в которую было подключено мое перегруженное сознание. Я едва успела доползти до кровати и рухнула на подушки, как темнота накрыла меня с головой, как теплое, тяжелое одеяло.

На этот раз сон был без сновидений, глухим и пустым, как будто я провалилась в бездонный, мягкий колодец забвения. И я бы проспала так еще неизвестно сколько, если бы не настойчивый, назойливый голос, который принялся будить меня, словно заевшая пластинка, повторяющая одно и то же.

«Леди... Леди... Проснитесь же...»

Сначала я, сквозь сонную, липкую муть, подумала, что это опять сам по себе включился телевизор у меня дома. Я даже потянулась рукой к тумбочке, чтобы нащупать холодный пластик пульта, и, не найдя его, с раздражением открыла глаза. И тут до меня медленно дошло. Позолоченный балдахин, шелковые простыни, тяжелые портьеры, за которыми сквозил странный свет нового солнца, далекие перламутровые крыши.

Я по-прежнему леди Нитта. А голос принадлежал моей служанке, Лире, которая робко стояла у кровати, заламывая руки.

— Леди, прибыла сестра вашего супруга, леди Айвери. Она ждет вас на завтрак в главной столовой, — прошептала она, и в ее глазах читалась неподдельная паника. Видимо, визиты родственников были для прислуги таким же стрессом, как и для меня.

Я тихо, но с чувством выругалась про себя. То свекровь-дракониха, то сестра. Какое-то тотальное семейное нашествие, словно они по очереди дежурят у моей комнаты, проверяя, не сбежала ли я и не испортила ли чего.

С неохотой, борясь с остатками дурмана в крови, я поднялась, чувствуя, однако, необычайную бодрость и ясность во всем теле. Лекарство и впрямь действовало волшебным образом. Ни тени вчерашней слабости, тяжести в затылке или той изматывающей душевной разбитости.

Направляясь в ванную, я снова слегка шарахнулась от собственного отражения в огромном зеркале. Я медленно, будто крадучись, подошла к нему, вглядываясь в незнакомые карие глаза, в идеальные, чуть высокомерные черты лица.

«Привыкай, Аглая, — сурово сказала я себе мысленно. — Это теперь твое лицо». И в этот миг, когда солнце ударило в зеркало под особым углом, мне показалось, что черты в нем поплыли, исказились, и на меня на секунду взглянули темные, бездонные, полные тайны глаза той самой старушки. В ушах явственно, как будто кто-то прошептал на ухо, прозвучали ее слова: «Ты растопишь своей добротой любую глыбу льда». Я резко, испуганно моргнула, и видение исчезло. В зеркале снова была я — леди Нитта, бледная и слегка испуганная.

— Чертовщина какая-то, — прошептала я, проводя дрожащей рукой по лбу. — Или отвар такой крепкий, или я начинаю сходить с ума.

Собравшись, я намеренно попросила Лиру надеть на меня самое простое платье спокойного, лавандового оттенка, напоминавшего мне о чем-то далеком и мирном, и снова настояла на самом мягком, почти декоративном корсете. Если предстояло иметь дело с еще одной родственницей, то хотелось чувствовать себя хотя бы физически комфортно и дышать полной грудью.

На этот раз, выйдя из комнаты, я не стала ждать реакции тела, чтобы пройти куда надо на встроенном автопилоте. Я сама, к своему собственному удивлению, вспомнила дорогу в большую столовую, которую внимательно изучила еще вчера днем, и это маленькое, но важное достижение придало мне крупицу уверенности. Ноги сами несли меня по знакомому уже маршруту, а я по пути пыталась сообразить, что же нужно этой сестре. Вероятнее всего, све-кровь, получив от ворот поворот, решила действовать через дочь — более мягкое и податливое орудие. Я мысленно готовилась к новой битве, выстраивая шаткую линию обороны, сжимая в руке воображаемый щит.

Но реальность превзошла все мои самые смелые ожидания.

Глава 9.1

Но реальность превзошла все мои самые смелые ожидания. Едва я переступила порог столовой, как на меня, словно ураган, налетело розовое, благоухающее цветами облако.

— Нитта! — пронеслось над моим ухом, и прежде чем я успела сообразить что-либо, меня схватили в объятия и принялись радостно и энергично трясти, словно новогоднюю елку. — Как я рада, что ты не развелась с этим снобом, и мы до сих пор с тобой сестры!

Я остолбенело замерла, пытаюсь разглядеть свою «сестру» в этом вихре розового шифона и восторга. Передо мной была роскошная блондинка в платье невероятного, почти неонового розового цвета, украшенном рюшами, бантами и нелепыми рукавами-фонариками. Ее волосы были заплетены в сложные, детские косы, уложенные вокруг головы наподобие короны, а на руках звенели яркие, совершенно не сочетаемые с нарядом браслеты, побрякивая при каждом движении. Несмотря на внешнюю взрослость и безупречные черты лица, унаследованные от матушки, в ее поведении и сияющих, беззаботных голубых глазах читалась чисто детская, восторженная непосредственность.

Мозг заработал на повышенных оборотах, пытаюсь анализировать этот новый тип угрозы. Значит, прежняя Нитта находила общий язык с сестрой мужа? Это был шанс. Лазейка. Возможно, даже союзник.

— Да, я... я тоже рада, — выдавила я, пытаюсь изобразить на лице подобие теплой улыбки и лихорадочно соображая, как бы завести разговор и выведать информацию, не выдав своего полного и тотального неведения.

— Матушка рвет и мечет! — восторженно продолжила Айвери, словно сообщала самую приятную и забавную новость. — Что ты ей вчера сказала такого, что она час орала потом на брата? А? Расскажи! Должно быть, это было нечто грандиозное!

«Э-э...» — я почувствовала, как горячая краска заливает мои щеки. Как, черт возьми, из этого выкрутиться? С одной стороны, эта девочка казалась безобидным, милым существом. С другой — ее болтливость могла быть опасной. Ей точно можно было рассказать далеко не все.

— Я... просто высказала свою точку зрения, — уклончиво пробормотала я, чувствуя себя абсолютно беспомощной и глупой, опуская взгляд на свои руки.

К счастью, в этот момент в столовую бесшумно вошел лорд Караел, и его появление буквально спасло меня от дальнейшего допроса. Мое дыхание перехватило, а сердце сделало в груди произвольный, болезненный кульбит. На нем был великолепный белый камзол с тонкой синей вышивкой, напоминающей морозные узоры, обтягивающие темные брюки и рубашка, застегнутая на все пуговицы под самое горло.

Он выглядел безупречно, как живое воплощение власти и холодной красоты. Но, впиваясь в него взглядом и вспоминая его вчерашний, полуобнаженный и уязвимый вид, я почувствовала, как в животе трепетно запорхали те самые предательские бабочки.

Однако что-то было не так. Несмотря на безупречный внешний вид, от него веяло глубокой усталостью. Не физической, а какой-то глубинной, умственной, как будто он провел всю ночь, решая сложнейшую головоломку, и ответа так и не нашел.

— Айвери, — его голос прозвучал ровно и привычно холодно, но для моего слуха в нем слышались нотки изнеможения и в то же время — какая-то особая, мягкая снисходительность, которую он, казалось, берег только для сестры. — Ты опять сбежала из дома.

— Неужели мне нельзя навестить родного брата! — девица тут же отцепилась от меня и влетела в объятия к лорду Караелу, словно десятилетний ребенок, не замечая его легкого, почти незаметного напряжения.

Я наблюдала за этой сценой с растущим изумлением, чувствуя себя сторонним наблюдателем в странном семейном спектакле. Контраст между ледяным, сдержанным, всегда контро-

лирующим себя братом и его восторженной, эмоциональной, совершенно непосредственной сестрой был поразительным, почти невероятным. Казалось, они были с разных планет, из разных вселенных.

— Можно, но матушка волнуется. Она уже писала мне, — ответил он, высвобождаясь из ее цепких объятий отточенным движением.

— Так прилетела бы тоже! — захлопала в ладоши Айвери, и ее браслеты весело зазвенели. — Мы бы с ней и Ниттой прошлись по магазинам, я как раз хотела посмотреть новые украшения для будущего бала! Это будет так здорово!

Я едва сдержала саркастическую, горькую усмешку, пряча ее в уголке губ. Становилось ясно, что юная драконица либо абсолютно не ведала о реальных отношениях между мной и ее матерью, либо свекровь тщательно скрывала свою истинную, ядовитую сущность при любимой дочери, представляя перед ней образцом добродетели.

— Не сегодня, — холодно, не оставляя пространства для дискуссий, отрезал лорд Караел. — Сегодня у леди Нитты плотное расписание. А тебя сопроводят обратно домой. Я уже распорядился.

Айвери надула губки, изобразив обиду, но ее огорчение, похоже, было неглубоким и мимолетным, как летний дождь. Уже через секунду она вновь запрыгала на месте, ее настроение моментально переключилось.

— А ты обещал сходить со мной за тем красивым платьем, которое я видела на прошлой неделе в магазине! Оно было все в жемчугах и таком синем-синем шелке!

— Я распоряджусь, чтобы тебе его доставили, — невозмутимо ответил брат, явно разбираясь с такими запросами не в первый раз.

— Так здорово! Только ведь ты не знаешь, какое оно! — возразила она, и я увидела, как лорд Караел слегка, почти незаметно, потер пальцами висок, и в этом жесте была такая бесконечная, накопленная усталость, что мне стало почти жаль его.

Да, он определенно был измотан. И странное дело — я чувствовала это не только глазами, видя легкую бледность и чуть более глубокую, чем обычно, тень под глазами, а каким-то внутренним, новым для меня чутьем, как будто между нами протянулась незримая нить, передающая его состояние.

— Если куплю не то, то через неделю сходим и купим целых два новых платья, — нашел он дипломатичный и, как я поняла, проверенный временем выход.

Айвери тут же просияла, как солнце после грозы, и с готовностью согласилась, словно и не было никакой обиды. Спустя пару минут ее, болтающую без умолку и планирующую уже целый гардероб, все же увели слуги, почтительно, но настойчиво.

Дверь закрылась с тихим щелчком, и в столовой воцарилась гробовая, давящая тишина. Мы остались одни.

И тут все внутри меня моментально сжалось в один тугий, холодный, болезненный комок. Мужчина медленно повернулся ко мне, и его взгляд, усталый, но от этого не менее острый и пронзительный, впился в меня.

Воздух снова стал густым и тяжелым, им было трудно дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.